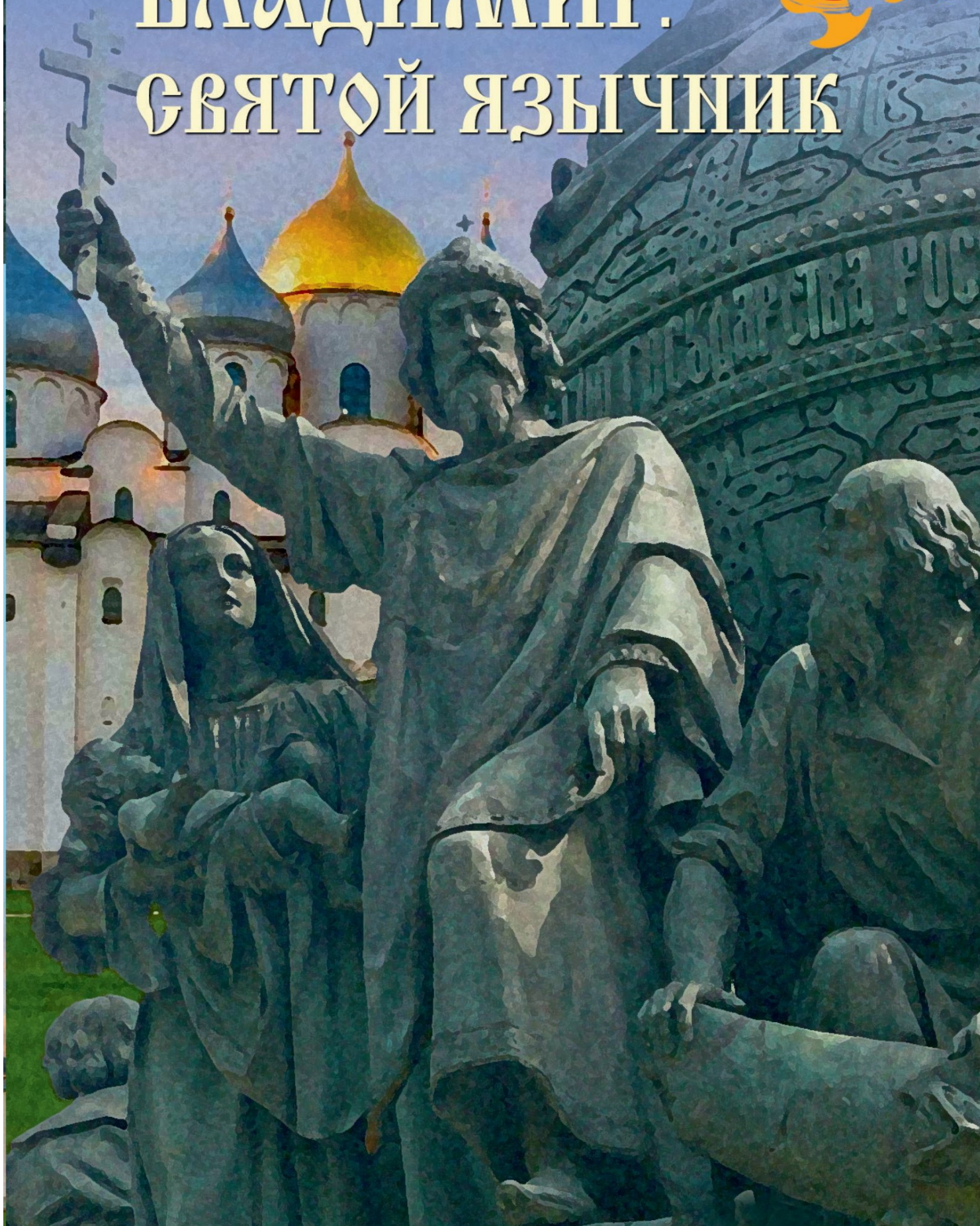

Владимир ФИЛИППОВ

НЕЗНАЮЩАЯ
РУСЬ

ВЛАДИМИР. СВЯТОЙ ЯЗЫЧНИК

Неведомая Русь

Владимир Филиппов

Владимир. Святой язычник

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94
ББК 63.3(2)41

Филиппов В. В.

Владимир. Святой язычник / В. В. Филиппов — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-6022-7

Личность князя Владимира Святославича – одна из ключевых и, пожалуй, наиболее противоречивых фигур Древней Руси. Ключевых, потому что именно он считается крестителем Руси, а противоречивость – с тем, как Владимир (если верить летописям и их толкованиям) действовал до этого исторического события. Но так ли все однозначно, как мы привыкли думать? Попробуйте взглянуть на источники глазами автора этой книги и, не исключено, ваше мнение изменится...

УДК 94
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-4484-6022-7

© Филиппов В. В., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Филиппов
Владимир. Святой язычник

Серия «Неведомая Русь»

© Филиппов В.В., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие

История любой страны держится на плечах героев. История Древней Руси не исключение. Русь – земля великой судьбы! Из глубины веков яркими красочными птицами долетают до нас легенды о тех далеких неведомых нам временах. Звенит в них булатная сталь, хрипят взмыленные кони, кипят жестокие сечи, свистят стрелы, и сшибаются в смертельных поединках воины. Они рассказывают о превратностях любовной страсти, об интригах политиков, дружбе, преданности и измене. Мы вслушиваемся в эти истории затаив дыхание. С замиранием сердца.

Казалось бы, к чему ломать голову над тем, что было так давно? Мы сами живем в беспокойное время, мир занимает масса проблем. Люди стали много кушать и мало читать. Интернет захватил внимание миллиардов. Да и вообще: разве мало у нас и своих ежедневных проблем? Может, и так, но есть вечные проблемы, которые волнуют людей. Чтобы понять их, не грех вспомнить не только о том, что было недавно, но и о том, что происходило совсем давно.

Холодное прошлое оживает не только для назидания потомкам. Течет неумолимое время, увлекает в небытие людей, их важные и пустячные дела, трагедии и подвиги героев, жалкие амбиции глупцов, взлеты и крушения династий. Время не стирает подвиги, и вновь сказывают сказки про легендарных героев и правителей, и песни поют, и книги про них пишут. Стараются авторы, прилагают все свое красноречие, чтобы не ушли в вечное забвение дела и судьбы наших предков! Чтобы умный человек, окинув глазами память веков, понимал, какие события определяют то время? Какие люди? Древняя Русь оставила нам множество легенд, из которых, возможно, самая великая связана с князем Владимиром.

Владимир Святославич – один из тех людей, кто олицетворяет собой эпоху! Ни больше ни меньше.

Писатели и историки, летописцы и известные книжники прошлого, такие, как митрополит Иларион, мних Иаков, преподобный Нестор, «грешный» Феодосий, приложили немало усилий и еще больше усердия, сохраняя для нас события и факты, детали давно минувших дней, преданья старины глубокой, чтобы до нас дошла информация о правителе одной из крупнейших держав Средневековой Европы, игравшей важную историческую роль в судьбе славянских народов, да и, пожалуй, государств Запада, Востока и даже отдаленного Севера.

Русский князь, возможно, не знал и не ведал, что от него, от копыт его горячего скакуна, от его воинской удачи, от мудрости его, от его потомства будет расти и шириться великая страна и что блеск Киевской державы огнем величия будет осенять его голову. Он не знал и не ведал грядущего. Его сделают святым, но святым он не был никогда. Разве всегда ходил он прямыми путями? Нет. Но окольная дорога в политике – обычное средство мудрого правления. Да, он пролил много крови, однако не ради собственной выгоды. Хищник. Опасный и быстрый, знающий себе цену. Око за око. Зуб за зуб. Сколько дашь, столько и вернется. Добром за добро, злом за зло. Таким было его правило. Ведь злодеянье непременно ведет за собою отмщенье! Владимир воздавал по заслугам, и было это не от жестокости сердца. Беспощадная история не умалчивала об этих прискорбных прецедентах, но освещала их с той же бесстрашностью, с какой повествовала о длинной веренице блестящих побед, торжества. Владимир, будучи гораздо одареннее других современников из числа собратьев по власти, обладал многими достоинствами, которых те просто не имели и которые обеспечили ему уважение многих европейских правителей. Кто-то путает уважение со страхом, но, если Владимир и пугал своих соперников, то не жестокостью и вероломством, а силой, решимостью и удачливостью. Но именно зависть и ненависть вдохновляли историков некоторых соседних государств создавать эпопею из злодеяний князя Владимира, делая главными чертами его характера похоть, жестокость и коварство. В этом случае они ошибаются, приписывая действиям русского правителя то, что сами хотели бы видеть в его мотивах. Многие негативные оценки, данные ему,

безосновательны, хотя нет смысла отрицать тот факт, что если Владимир чувствовал, что противник хочет взять его за горло, то всегда опережал его, и добирался до горла противника первым.

Мне хочется поговорить о том, отчего именно князю Владимиру некоторые историки хотят создать дурную репутацию и почему. На самом деле нет ничего, что явственно свидетельствовало бы о его низменных инстинктах, ужасающих пороках и страсти к насилию. Такому, чтобы добродетель в страхе бежала, а честь шарахалась в сторону. Пока поверьте на слово.

Был ли он добр? Не всегда и не ко всем. Умен – да. Но зачастую люди не прощают тому, кто умнее их. Тем более если умнее, чем все остальные правители, вместе взятые. Владимир знал, что нужно делать с политикой, войной, экономикой и вообще со всем на свете. Он, как никто, умел управлять событиями и людьми. И именно поэтому личность Владимира, князя, крестившего Русь, волнует людей до сих пор.

Казалось бы, биографии наиболее значимых правителей написаны и переписаны множество раз, что к ним можно еще добавить? Все уже изучено, зафиксировано, оговорено. Новой информации уже не будет. Именно поэтому многие биографии стали монументальны, как мраморные памятники, и так же статичны. Давайте изменим эту ситуацию. Посмотрим свежим взглядом на вещи устоявшиеся, окаменевшие, затвердевшие. Столько всего нового можно увидеть, узнать, переосмыслить. Ведь наша история живая. К тому же книжная премудрость до сих пор не объяснила всех загадок, которые окружили после смерти историю Владимира Святославича.

Нужно взглянуть на нее понимающе, и легенды откроют нам иные тайны. Только не ждите сокрушительного набора разоблачений, высыпанных на голову доверчивому читателю. У меня нет цели просто рыться в могилах давно ушедших предков. Наоборот. Задача – понять. Это куда интереснее. И хотя мы не можем знать, о чем думали в тот или иной момент герои этой книги, этого не дано знать никому, кроме разве что Господа Бога, но в большинстве случаев мы все же можем с уверенностью определить направление мысли нашего героя, несмотря на его многовековую отдаленность от нас. Ведь до нас дошли зафиксированные в документах факты, перипетии разыгравшихся событий и даты. По этим вехам лучше и правильнее судить о желаниях и мыслях нашего героя, ведь они нашли свое воплощение в действии, и это действие редко было спонтанным. Вот именно по поступкам мы и будем судить, а не вкладывать в головы историческим персонажам мысли, которые, как мне бы казалось, должны были их посещать.

Второй вопрос – в том, вправе ли мы в очередной раз ворошить давно исписанные летописцами страницы, отыскивая в них скрытый подтекст, подозревая их в умолчании или, напротив, домысливании тех или иных эпизодов биографии князя Владимира? Такой вопрос, судя по всему, задают себе некоторые современные авторы. Только ответ не представляет собой никакой сложности. Конечно же, вправе. Ведь именно для того и дошли до нас деяния великих правителей прошлого, чтобы мы могли их обсуждать. Чтобы попытались понять мотивы их действий, развеять, хотя бы даже для себя, мифы, которые вокруг них были созданы. Что нашему герою приписывают, где на него наговаривают, и чем он руководствовался, ведь мотив есть всегда. Это не панегирик, не оправдание, а понимание. Судить героя давно минувших дней может каждый, это его право, а правитель он или нет, значения не имеет; так вот, для того, чтобы вершить правый суд, даже для себя лично, нужно понять действия того, кого ты собираешься судить и оценивать. А князь Владимир того стоит. Этот человек навсегда останется в истории Руси титаном, Святым и грешником, человеком, которого будут боготворить за сделанное при жизни, и он же будет служить объектом критики для людей недалеких и некомпетентных, для тех, которые хотят сделать на имени героя имя себе и которым серьезно углубиться в тему, видимо, недосуг. Хотя если бы вы спросили прямо кого-то из них, откуда они это взяли, они бы затруднились ответить, сославшись на то, что вещи эти общеизвестны, а потому не стоит и тратить на это время.

Каждый автор, создающий образ этого выдающегося правителя, видит его по-своему, и, конечно же, каждому из тех, кто пишет биографию, кажется, что именно его труд наиболее объективно отражает характер персонажа, о котором он ведет речь. Только все мы видим и оцениваем одного и того же человека по-разному. Я хочу познакомить вас с тем, как я вижу князя Владимира. И поверьте на слово, если этот взгляд будет отличаться от того, что пишут классики, и того, что вы сами себе представляли, он будет подкреплён как фактами, так и размышлениями по данному вопросу, с которыми вам трудно будет спорить.

Поэтому резюмирую. Писать книгу нужно только в том случае, если тебе есть что сказать по данному поводу. И эта книга именно такая. Касаясь ранее не раз деятельности этого неординарного князя, я понял, что зачастую трактовка его поступков и мотивов неверна, и на этом основании решил посвятить ему целую книгу. Давайте сменим угол зрения, под которым мы рассматриваем дела и поступки одного из самых великих русских правителей от начала создания государства, а именно князя Владимира Святого. Давайте отойдем от тех вещей, которые нам кажутся привычными, когда речь заходит об этом правителе, и переосмыслим привычные установки.

Глава 1

Святослав

Начнем свое повествование со времен, когда правил в Киеве молодой князь Святослав. Правитель он был энергичный. Даже слишком. Главным делом его жизни была война. Он сам выбрал для себя путь славы и не собирался от этого решения отходить. Это было неудивительно, ведь его ближайшими соратниками и наставниками были великие воины своей эпохи Асмунд и Свенельд. Именно они обучали его ратному ремеслу, они и привили ему жажду подвига. Святослав рано остался без отца. Его отец, князь Игорь погиб от рук древлян, когда ездил собирать причитающуюся ему дань. Странные слабости бывают присущи правителям, отец Святослава был жаден. Сильно. В тот раз Игорь перегнул палку в своих требованиях, жадность взяла верх над здравым смыслом. В тот злополучный день киевский князь был не в духе. Игорь хотел компенсировать отсутствие настроения большим количеством дани, много больше того, что ему должны были дать. Он оскорблял и унижал своих данников словесно и действием, забыв, что в этом мире полно опасностей и что всякое терпение имеет предел, а у древлян терпение к тому моменту было на исходе. Древляне всегда отличались вспыльчивым нравом, они были горды, великодушны и отважны, но могли быть жестоки, если их к этому вынуждали. А Игорь вынуждал. Он просто пер на рожон. Он провоцировал. Только вот топтать поверженного противника не стоило. Древляне медленно закипают, но когда закипают, их никому не удержать. Расплата за жадность и несдержанность пришла быстро. «...Ежели не убьем его, всех нас разорит и погубит». Так рассуждали древляне. «Однако послали к нему от себя послов просить, говоря: поскольку ты собрал дань всю, то нет причины к нам идти, и чтоб оставил нас в покое и возвратился в Киев. Но Игорь не послушал их просьбы. Они же, выйдя из города Коростеня против него, нападши ночью неожиданно, убили Игоря и всех бывших при нем, поскольку с ним было людей весьма мало. И погребен был там, где до сих пор могила его близ Искоростеня града в древлянах». Такие строки мы можем прочесть у В.Н. Татищева.

Так началась война древлян за независимость от Киева. История эта описана довольно подробно, как и история мести, которую осуществила жена Игоря, княгиня Ольга, вместе с воеводой Свенельдом. Столица древлян Овруч была сожжена, потому что здесь прошла война.

Святослав остался без отца. Для управления государством он был слишком мал, поэтому все заботы по управлению страной взяла на себя его мать, княгиня Ольга, дочь Вещего Олега женщина редкой красоты. Она занималась внутренней и внешней политикой, а воевода Свенельд стоял на страже границ, управляя войском. Правила Ольга мудро и великодушно. Святослав рос, Русь наслаждалась миром. Сын Игоря вырос быстро и скоро превратился в мужа высокого и статного, сильного и неутомимого умом и телом. С ранней юности Святослав был пылок и беспокоен. Он был куда более горд, нежели его отец, хотя так же, как тот, упрям, своеволен и скор на принятие решений. Гордость никогда не позволяла ему признавать себя побежденным или приходиться с мольбой о прощении, даже если он бывал неправ; к тому же он жаждал подвигов и славы. Ему было тесно в Киеве. С самого детства Святослав полюбил войну, и все мысли его склонялись к ремеслу воина. Большую часть своего времени он проводил с самыми искусными воинами, обучаясь мастерству владения оружием и управлению войсками. Мать и не думала ему препятствовать, видя, как Святослав закаляет себя трудами и упражнениями, развивая и трезвость мысли, и крепость руки. Княжескому дому нужен человек, который знает и любит свою землю и народ, которым предстоит ему править, и который умеет народ этот в случае необходимости защитить. Еще не достигнув зрелости, Святослав уже мог взять на себя командование дружиной, если бы в этом возникла необходимость. Когда пришло время, Ольга женила Святослава, и от этого брака появились на свет двое детей, Яро-

полк и Олег. К этому моменту Святослав уже отодвинул мать от управления государственными делами и, хотя прислушивался к ее советам, решения принимал сам, чаще обращаясь к опыту своих воевод-соратников. В те дни между княгиней Ольгой и ее сыном возникло отчуждение, и Святослав перестал открыто говорить о своих замыслах и устремлениях с матерью, но, несмотря на возникшую холодность, мать во всем поддерживала сына.

Княгиня Ольга и юный Святослав. С рис. В.П. Верещагина

После длительного правления в Киеве женщины на трон взшел молодой и агрессивный воитель, готовый расширить сферы влияния Руси и подчинить своей власти окрестные земли. Воинственный князь, несмотря на молодость уже успел покрыть свое имя славой. Во главе хорошо организованного, сильного славянского войска, прошедшего выучку под его началом, он атаковал Хазарский каганат, разбив в открытом сражении вражескую армию и взяв на щит его самые крупные города. С этого момента некогда могучая Хазария навсегда утратила свое величие. Слава Святослава с каждым днем росла, торговля ширилась, государство крепло. А вот в семейной жизни молодого князя назревали перемены. Все ли устраивало в браке Святослава, мы не знаем, но, видимо, чего-то ему все же не хватало. Возможно, он был просто молод.

Красота одной славянской девы так поразила молодого князя, что он более не замечал почти ничего вокруг. Той, кому удалось завладеть сердцем молодого князя, стала ключница его матери по имени Малуша. У нее были золотые волосы, благородный и мягкий характер. Любуясь ее красотой, Святослав угадал в ее ясно-серых глазах скрытую силу. Он почувство-

вал сильный всплеск эмоций в своей душе – таких эмоций, на какие даже не рассчитывал; ему хотелось обнять эти тонкие плечи, прижать ее хрупкое тело к себе. Но он подавил в себе этот порыв, изучая ее точеную фигуру, разглядывая ее волосы, которыми всюду играл ветер. Теперь он часто виделся с этой девушкой и княгиня Ольга, прознав про их встречи, весьма обеспокоилась, хотя и не огорчилась.

Святослав же постиг, что любит эту юную деву, и почувствовал, как могут быть пусты его дни без нее, ведь сейчас он был счастливее, нежели когда-либо еще в мирной жизни. С этого момента его любовь разгорелась жарче, и он решил, что сам нашел себе ту супругу, которая ему нужна, а потому открыто объявил о своем желании взять за себя. На это предложение Малуша ответила согласием.

Холодна была встреча князя с матерью, когда он пришел к ней объявить о своем решении; и потребовала Ольга Олеговна, чтобы Святослав объяснил, что у него на уме. И, выслушав сына, упрекнула его, говоря, что не подобает правителю вступать в брак с девицей не княжеских кровей. Правду сказать, в те дни ничто – ни закон, ни обычай – не повелевало, чтобы потомки княжеского дома, будь то даже сам князь, сочетались браком лишь с равными себе по положению. Но Святослав и слышать ни о чем не желал, ибо он всегда и во всем тем более противился, чем больше его к тому принуждали. Святослава было не переубедить, тем более что ничьей воле он уже не подчинялся. Княгиня же не желала навлечь на себя гнев сына своим запретом, да и ничего он не изменил бы. Ольга дала дозволение сыну хоть и с крайней неохотой: во-первых, она была христианкой и продолжала жить, и править по законам христианской религии, а христианская церковь не приветствует многоженство. По христианским канонам можно иметь только одну жену, и только дети от этой жены являются законными. Здесь же получалось, что при живой жене Святослава, – точнее, прямо рядом с его законной женой – в одном городе, практически в одном дворе, должен был родиться еще один внук Ольги. Для христианки это был серьезный удар. Но что она могла сделать? Идти наперекор традициям она не стала, ибо сын этого союза желал и не внял бы материнским уговорам в любом случае.

Да, Малуша не была княжеской дочерью, и никакой политической выгоды этот союз иметь не мог, только чувства, но, с другой стороны, Малуша была ключницей княгини Ольги, а значит, ее доверенным человеком. Это был плюс. А уж в случае политической необходимости Святослав может позволить себе еще одну жену. Язычество не ограничивало князя в их количестве. Так что, может быть, выбор Святослава был не так уж плох для Ольги, ведь это, по сути, был дополнительный рычаг давления на сына, пускай и не очень мощный. Кстати, ключница – это та, кто ведает княжеским добром, всем обширным хозяйством великой княгини. Многое на княжеском дворе и за его стенами зависело от одного ее слова, и было немало тех, кто спешил угодить ей, и искал с ней дружбы.

Дело шло к свадьбе. В этот раз Святослава не нужно было принуждать, ибо брак был вызван не политическими раскладами, а только решением сердца.

По случаю свадьбы Святослав задал великий пир, веселые празднества были устроены по всему Киеву, и на всех улицах пели мужи и жены. Народ любит праздники. Когда правителю хорошо, то и простому люду весело, ведь ни князь, ни княгиня их не забывают, а значит, любят, и как не ответить взаимностью.

И на свадебном пиру Святослав встал со своего места и провозгласил тост за Малушу, нарекая ее новой хозяйкой Киева. И те, кто был на том пиру, уверяли, что глаза счастливой невесты сияли столь же ярко, как звезды в небе.

– Как жена правителя Киева ты поселишься, где тебе угодно, – сказал Святослав жене. И это были не пустые слова. Эти слова возносили жену Святослава выше порицаний злых языков, которые есть везде и всегда; они подчеркивали ее статус. Они подчеркивали ее значение в киевской иерархии. Всем стало понятно, что думает молодой князь о правах новой жены.

– И сие будет оглашено во всеуслышание, – молвил Святослав. – Теперь ты киевская княгиня.

Народ был счастлив – одни только сторонники первой жены Святослава остались очень недовольны этим решением.

Да и сама первая жена Святослава не на шутку встревожилась, ибо услышала в тех словах порицание князя, на благоволение которого всегда полагалась. В этом она не ошиблась; однако мысль о том, что за этими словами кроется нечто более важное, даже не пришла ей в голову.

Она была уверена, что Святослав хоть и женился на Малуше, но это лишь легкое увлечение. Каприз.

– Я не стану делить мужа с ключницей, – молвила она сторяча. Однако дни шли, а в ее покоях Святослав больше не объявлялся, хоть по-прежнему жил в Киеве. И тут овладела ею тоска, точно горло вдруг сдавило рукой, и гулко заколотилось сердце, и перехватило дыхание. Ибо она страшилась Малуши и ее власти над мужниным сердцем; хоть и пыталась скрывать свои страхи от других. Часто говорила с доверенными людьми о своих надеждах и замыслах. Но пока это были лишь грезы, далекие от реальности. Она призывала Святослава к себе, но тот остался глух к ее мольбе и слова тут были тщетны, сердца Святослава они не затронули. Однако от претензий своих на мужа первая жена не отказалась и зорко следила ревнивым взором за ним, особенно ежели Святослав отправлялся к своей новой жене. Мать Ярополка и Олега твердо решила, что придет день, и она вернет его себе. Тогда она станет могущественной правящей княгиней, как ее свекровь Ольга. К тому же, согласно обычаю трон наследовал старший сын правителя, и этим сыном был один из ее сыновей.

Держалась она теперь чопорно и отчужденно. Понятно, что в отношениях с мужем это не помогало. Однако люди они не чужие, и Святослав зашел к жене своей первой, только радости это ему доставило мало. Разговора не получилось.

Чуть ли не с порога первая жена Святослава высказала ему все жалобы, что накопились у нее на сердце, и хоть далеко заходить она не дерзнула, опасаясь утратить благоволение князя, но даже этого было достаточно.

Огорчился Святослав, видя это, но и рассердился, ибо решение его было твердо; и ожесточил он свое сердце.

– Если ты задумала приковать меня к себе, то выбрала не ту цель. Женщине в надменности своей не стоит тщиться поставить мужчину на колени. Ныне устремления твои мне ясны. Только не осталось у меня больше любви к тебе. Прошрое я в сердце сохраню; будущее наше мертво. На что иное ты рассчитывала? А потому я иду туда, где меня не отчитывают, а, напротив, привечают с почетом. Я все сказал. А теперь займусь делами более разумными, чем собачиться с тобой.

Князь Святослав и император Цимисхий. С рис. В.П. Верещагина

Посеревшее лицо его сделалось холодным и враждебным, точно море, когда солнце внезапно затянет тусклая туча. Святослав пожал плечами и шагнул к двери. Тогда, вопреки ее воле, на глазах у матери Ярополка выступили слезы. Она-то ждала хоть каких-то свидетельств раскаяния, дабы даровать мужу прощение, ежели о нем попросят; но Святослав обошелся с нею так, словно это она его оскорбила, и выказал к ней пренебрежение. Разрыдалась она более от гнева, чем от горя, думая о своих обидах и зная, что никто сейчас ее не видит. И ведь, может статься, все сложилось бы иначе, ежели бы не встретил Святослав эту ключницу. Увела она у нее мужа, и этого не простить.

Но дни шли, неся с собой новый год. Спустя положенное время Малуша родила Святославу сына, которого нарекли Владимиром.

Теперь Малуша со Святославом меньше времени проводили вместе. Этим первая жена Святослава, подмечавшая все, что происходит, осталась весьма довольна.

Святослав собирал войско и готовился отправиться в поход на вятичей.

– Мужчине нужно дело, которым можно занять себя, даже если у него есть красавица-жена.

Вид чужих земель жег его сердце, и некий внутренний пыл, некая мечта не давала ему покоя. А замыслы Святослава были честолюбивы. Сознавал ли он это или нет, но мечтал он о великой славе Руси, о могуществе ее князей; и стремился создать оплоты, откуда смогут они шагнуть к владениям более обширным.

К тому же Святослав искренне считал, что снаряжаться к войне, которая до поры лишь в помыслах, нужно во дни мира. Нужно заранее обучать ремесленников и пахарей кровопролитию и сражению; вложить металл в руки предводителей, которые возлюбят вместе с ним заво-

евания и умножение своей воинской славы! Воин должен быть всегда готов защитить грудь Отчизну и храбро встретить свою смерть, если придется, а не обратиться в бегство, оставляя позади стенания женщин.

Вновь пришла пора Святославу брать в руки оружие.

Славянское племя вятичей, одно из последних славянских племен, которое не платило дань Киеву и не входило в состав славянского государства – Руси, было покорено Святославом через год после падения каганата.

Глава 2

Малуша

Оставим пока наше повествование. Про Малушу стоит поговорить поподробнее. Кем же была мать Владимира? Не кто, этот факт зафиксирован источниками повсеместно, а именно кем. Если кому-то покажется этот вопрос странным, то оставьте удивление при себе, сейчас вы все сами поймете.

Предположения на этот счет возникают самые разные. Например, что была она дочерью отважного древлянского князя Мала, поднявшего свой народ против нестерпимого владычества Киева и казнившего озверевшего от жадности отца Святослава, Игоря.

Якобы есть достоверная информация, правда, из совершенно непроверенных источников, что, когда князь Мал погиб, дочь его взяли в качестве пленницы в Киев и приставили в услужение самой княгине Ольге. И не ее одну, а вместе со старшим братом, имя которому Добрыня и который впоследствии станет дядькой Владимира и его опорой. Верят в эту версию лишь особо романтически настроенные любители авантюрных исторических романов. Как вы, наверное, успели заметить, данное предположение строится не на знании материалов данной эпохи, а на созвучии имен, благодаря чему Малушу легко привязать к княжескому имени Мала. Первые три буквы и в одном и другом случае совпадают, – значит, точно близкие родственники! Кто-то поумнее махнет рукой и скажет: глупость, другой же построит на этом скудном материале теорию да еще подкрепит фактами, которые сам же и высосет из пальца. Поверьте, в том, что касается начальной русской истории, такие озарения встречаются довольно часто, особенно с теми, кто хочет выделиться из общей массы не за счет знания или анализа ситуации, а за счет смелости выдать яркие краски глупости за знание. Такое тоже не каждому по плечу. Большинство из таких авторов даже начинают на самом деле верить в истинность своих откровений и тогда начинают искажать даже самые известные факты так, чтобы они соответствовали их умозаключениям. Перевираются в изложении документы, коверкаются цитаты, и все – только для того, чтобы доказать истинность своей собственной теории, которая при первом же внимательном рассмотрении рассыпается в труху.

На страницах этой книги с подобными теориями мы столкнемся не раз и не два.

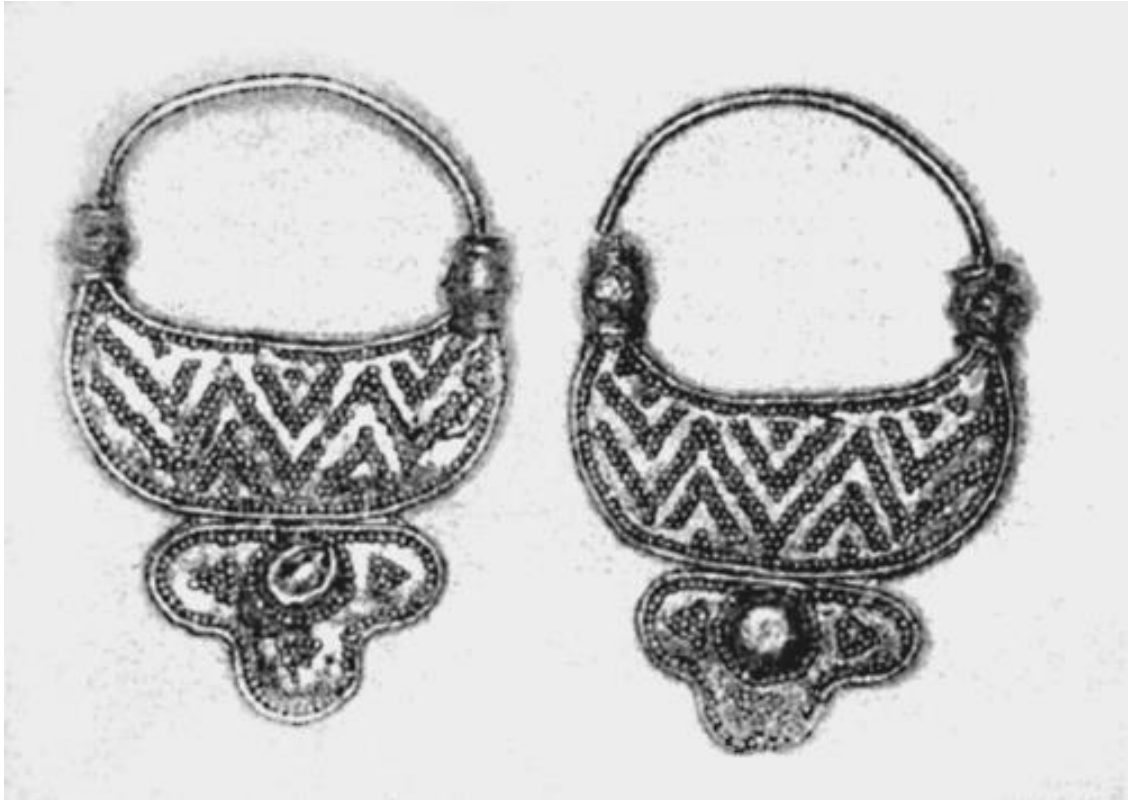
И уж если я озвучил предположение, что Малуша это дочь того самого князя Мала, то давайте его обсудим. Если потратить время, то можно найти даже источник данной версии; предположу, что она берет свой исток в так называемом «Сборнике русской ереси», или по-другому говоря, «Будинском изборнике». Вот строка из него. «Так говорили в людях... Дети же Мала – это сын Добран по деду и дочь Малуша, или Милуша...». Дальше идет повествование о их горькой судьбе: «пленили детей Мала: сына Добрана, который был очень крупного телосложения, и дочь Малушу...» Если ориентироваться по дальнейшему тексту этого сборника, плен оказался для них не бедой, а спасением, ибо, судя по тем словам, что «Изборник» вкладывает в уста Добрыни, жизнь среди древлян с отцом была им с сестрой совсем не в радость. В ответ на прямые вопросы Свенельда, воеводы Игоря, взявшего брата и сестру в плен, Добрыня отвечает не таясь.

«Давно хочу русам служить, потому что у полян жизнь справедливая, но боюсь отца Мала, потому что он зол на полян и на князя вашего, а мать нашу не любил и гневался на нее всегда, пока она не умерла...» Другими словами, при первой же возможности он и сам бы подался в Киев. Теперь никуда бежать было не нужно, Киев сам пришел за ним и сестрой.

«...И пошли Добран с Малушей и с некоторыми древлянами служить к князю Ингвару, и дали клятву ему о честном и добросовестном служении, и приказал Ингвар принять их с добром и возложить малую дань на Искоростень, и вернулся с миром в Киев... И начал Добран

охранять дом князя Ингвара, а сестра его Малуша стала ключницей у княгини Ольги, потому что на девушка умная, и княгиня Ольга назвала ее Малфредью...»

Дальше все как в сказке. «В год 939-й тайно женился князь Святослав на Ольгиной рабыне Малфреды, и она забеременела, и княгиня Ольга хотя очень прогневалась на свою служанку и отослала ее в Будутино, но дала ей кормилицу и велела ухаживать за Малфредью, и вскоре, в год 940-й, родила Малфредь первенца, и он был наречен бабкою Ольгой Владимировом, а матери его Малуше было 20 лет...»

Древлянские женские украшения

«Так возникла гипотеза о древлянском происхождении князя Владимира, ставшая впоследствии весьма популярной», – подводит итог историк А. Карпов. Что можно на это ответить?

«До сих пор еще мелькает на страницах популярных изданий и многими принимается на веру романтическая версия, высказанная еще в 19 веке Д. Прозоровским.

В семидесятых-восьмидесятых годах следующего столетия для ее популярности немало постарался киевский краевед Анатолий Маркович Членов.

Речь о том, что мать Владимира якобы приходится дочерью древлянскому князю Малу. Оснований для этой теории, в общем-то, почти никаких, и серьезные ученые ее не рассматривают».

«Ни малейших намеков на древлянское происхождение Малки и ее брата в летописи нет».

Воспользуюсь цитатой из книги «Владимир Святой» А. Карпова.

«С достаточно большой степенью уверенности можно сказать, что гипотеза эта сколь соблазнительна, столь же и несостоятельна. Во-первых, она не имеет под собой никаких оснований, кроме далеко не полного сходства в именах действующих лиц. Во-вторых, и это главное, выше описанное развитие событий просто-напросто не могло иметь место».

Все совершенно правильно, и к этому отрывку мы, возможно, еще раз вернемся, но позже. А пока вот вам одна из версий происхождения Владимира Святославича. Доверять ей ни в коем случае нельзя, но само предположение не лишено остроумия.

Однако есть более нелепое предположение. Оно состоит в том, что Малуша была дочерью хазарского бека по имени Мальк, обосновавшегося с дочерью в русском городе Любеч. Именно на его основании ведущий историк, как он сам себя называет, Л. Прозоров развивал тезис об иудейском происхождении Владимира, относя его предков к хазарам. Не вдаваясь ни в какие генеалогические подробности, Прозоров попросту утверждал, что Владимир Святославич иудей, и все тут.

Есть категория историков, которым очень уж хочется объявить Владимира потомком хазарских беков, на том обосновании, что его мать была дочерью хазарина по имени Мальк. Почва, конечно, для обвинения шаткая, но ведь попытаться всегда можно. Чтобы чем-то подкрепить свою версию, они ссылаются опять же на историка Карпова, который указал, что «имена Мал и Мальк – разного происхождения. Если в имени Мал без труда виден славянский корень, то основа имени Мальк, вероятно, иная. В семитских языках (арабском, древнееврейском) слово «Malik» («малик») означает «царь», «правитель». Попытаемся разобраться в этом вопросе подробнее. Прежде всего заметим, что никаких прямых или косвенных свидетельств, подтверждающих такое предположение, не обнаружено.

Начнем с того, что никаких «беков» в Любече не было и быть не могло уже со времен Вещего Олега. Отношения между Русью и Хазарией к этому моменту складывались весьма непросто, и я бы даже сказал, враждебно, и Любеч, для хазарского бека был бы на тот момент далеко не самым безопасным местом, а беки, тем более хазарские, народ осторожный.

К тому же, для того чтобы быть знатным человеком в Любече, вовсе не нужно быть хазарским беком, вполне достаточно быть представителем местной элиты.

Вот и историк А. Карпов отмечает, что «во времена, о которых идет речь, буква “ъ” (ер) еще не потеряла своего звучания. Она произносилась как неопределенный гласный звук, вроде нынешних безударных “а”, “о” или “ы”. Имя отца Малуши звучало, вероятно, как Малко, или, может быть, Мalyк». Один из наиболее уважаемых и поныне историков Василий Никитич Татищев, прямо указывает нам на славянское происхождение деда Владимира по матери – «Малуша, дочь славянина Каплюши Мальца любчанина».

Новгородская Первая летопись по этому поводу оставила нам сообщение, которое выглядит следующим образом: «Малуша беаше сестра Добрыне, отец же бе има Малко любчанин». В Ипатьевском списке Повести временных лет наблюдается та же картина: «...бе има Малько Любчанин», то же самое сообщает и Пискаревский летописец: «Отец же бе има Малко, любчанин» – из старинного города на Днепре, несколькими километрами выше Киева по течению.

«Столь тщательно выписанная родословная женщины, не принадлежавшей собственно к княжескому роду, – явление исключительное в древнейшей летописи» (А. Карпов). И в дальнейшем вы поймете, почему.

Я довольно подробно остановился на разных версиях происхождения Малуши именно для того, чтобы больше ничего не отвлекало нас от простой и ясной истины по ходу дальнейшего повествования. Владимир – истинный рус. Тут интереснее иной вопрос, к которому постепенно подходим. Как складывались отношения Святослава и Малуши? Что может быть интереснее этого? Князь и ключница!

С моим вариантом я вас уже успел познакомить. Он входит в контраст со всем, что вам рассказывали до этого. И это только начало, лишь первый эпизод из того, что я вам хочу показать, и притом не самый существенный. Для того чтобы легче понять, на чьей же стороне истина, я приведу и традиционный вариант, и аргументы в защиту собственной точки зрения.

Те, кто хочет убедить нас в том, что Малуша была всего лишь расчетливая рабыня действовавшая, сообразуясь лишь с возможностями и выгодой, но отнюдь не с нормами морали,

пишут следующее: «Ольга, фавориткой (по-древнерусски “милостницей”) которой была ушлая рабыня, видимо, неплохо представляла возможную реакцию своего молодого сына на появление у него отпрыска от матери из этого племени, и от греха отправила Малку с ребенком подальше от княжьих глаз, в свое сельцо Будутино». Ни одного слова правды в этом отрывке нет, и быть не может, даже факты изложены неверно, весь расчет – только на эмоции и отсутствие знаний.

В.Н. Татищев излагает дело иначе: «Ольга, разгневавшись на Малушу, сослала ее от себя».

А это не одно и то же.

По сведениям Василия Никитича, выходит, что княгиня не от сыновнего гнева ключницу прятала, а просто после всего случившегося сама видеть ее не могла, потому и спровадила с глаз долой да от себя подальше! Получается, что своими решительными действиями она разлучала возлюбленную пару. Возможно, стараясь не уронить честь княжескую. Подумайте, Святослав, князь Киевский, и ключница! Неровня. И лишний шум, и лишние разговоры здесь ни к чему.

Все вроде бы выглядит правильно. «Не сына же ей отчитывать за блуд. Он мужчина, он – князь, да и не ребенок уже, а значит, ищет женской ласки, притом там, где приглянется. Опять же, родная кровь, как-никак. На нем злость сорвать за конфуз, возможности нет. Если что, Святослав мать и слушать не станет. А потому и отыгралась Ольга на ключнице». В данном случае я позволил себе воспользоваться цитатой из собственной книги «10 мифов», написанной в соавторстве с М.Б. Елисеевым. Продолжу ее еще немного.

«Да и дальше не все так печально, и сына Святослава, пусть и внебрачного, ей все же придется признать. И нет никаких сведений о том, что сделает это княгиня с большой неохотой. Чуть позже мы встречаем Владимира в кругу княжеской семьи, где он и воспитывался, – а это не могло произойти без соизволения его грозного отца. В Повести временных лет» указано конкретно, что, когда печенеги осадили Киев, Ольга с тремя внуками находилась там – «и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом и Владимиром в городе Киеве».

Однако с той поры прошло время, и, поразмыслив, я пришел к иной оценке ситуации. Она не опровергает нашу прошлую точку зрения, скорее, углубляет ее. Раздвигает ее границы. Хотя кому-то мое утверждение может показаться довольно смелым, все же замечу.

Мы привыкли к классическому взгляду на вещи. Ольга разозлилась и отослала прогневившую ее своим недостойным поведением ключницу в ссылку. Только если проанализировать данные, дошедшие до нас, то что же выходит? А выходит следующее. Ольга Олеговна не выгнала ключницу с глаз своих долой, отправив в ссылку, а скорее, наоборот, укрыла ее от ревности со стороны первой жены Святослава. Никакой немилости, – наоборот, забота о жене Святослава Малуше и ее сыне Владимире, которому она приходится бабушкой. Посмотрите сами. Куда Ольга отправила свою ключницу? К отцу? Восвояси?

Сложно спорить с тем, что возможностей у Ольги избавиться от Малуши было предостаточно, но ни единой Ольга не воспользовалась. Нет. Она отправила ее в свое собственное сельцо. Там до рождения ребенка новая жена Святослава оставалась под наблюдением и в безопасности. В гневе и обиде так не поступают.

Повторюсь! Малуша не рабыня, не холопка, а свободная женщина, имеющая важный пост при княжеском дворе. Его не каждой и не каждому доверяют. И Владимир не внебрачный сын, а законный!!! Вот что главное! И желанный!

Так считает и Татищев: «Малушу, мать Владимирову, Кромер наложницею нерассудно именует, ибо тогда вне закона всякая жена по единому только общему соизволению и действительному между ними взаимному обязательству супруга самая настоящая была».

А она – Малуша, законная жена правителя, и родила она ребенка, который будет официальным наследником, правда, после первых двух сыновей. Но ведь и это ничего не меняет.

Ольга же лично участвует в судьбе своей ключницы. Про первую же жену Святослава мы вообще не знаем ничего! Даже имени до нас не дошло.

Что еще можно сказать про Малушу? Возьмусь утверждать, что лицом она была красива. Почему? Просто Святослав был ценителем женской красоты. Неслучайно своему старшему сыну Ярополку он прислал из похода в жены грекиню, которую даже расстриг из монастыря. И все только потому, что был поражен красотой ее лица. Не знатным происхождением, а красотой.

Возможно, у Малуши была стройная высокая фигура; тонкие руки, красивое овальное лицо с запавшими глазами, обведенными темными кругами, отчего те казались еще более глубокими. Очи, которые подчеркивали их мягкий блеск в тех редких случаях, когда она их поднимала. Двигалась она почти бесшумно, словно призрак. Но все это лишь мое предположение, каждый волен сам представлять, как выглядела молодая жена Святослава или не представлять этого вовсе. Однако и историк и писатель А. Карпов, давая свою характеристику ключнице Ольги, пришел к похожим определениям.

«Она же была тверда и рассудительна, исполнительна и по мере надобности жестока – иначе бы не пришлась по нраву властной и не терпящей прекословия Ольге. Но была она к тому же молода и красива – и лицом, и станом, горда и неприступна, и, надо думать, не одно мужское сердце начинало сильнее биться при ее появлении».

Может быть, все-таки Ольга Олеговна хотела использовать влияние прекрасной ключницы на сына? К тому же, те, кто хочет видеть конфликт между вдовствующей княгиней и ее ключницей, совершенно выпускают из поля зрения тот непреложный факт, что приблизительно в это самое время брат Малуши, Добрыня, становится дядькой ее внука и младшего сына Святослава Владимира. Ольга и это пропускает. Значит, она не против. Тут я имею в виду и Владимира, и Добрыню. Он, как пестун маленького князя, находится при власти. Точно так же, как когда-то Свенельд находился при Святославе.

План городища столицы древлян Искоростень, составленный в 1823 г.

С тем, что они при княжеском дворе, смирились все. Они не должны любить Владимира и его дядьку, но ясно одно: что с ним, с Малушей и ее сыном считаться приходилось. Их могли лишь ненавидеть, презирать, но и только. Мало того, приближение Добрыни разбивает и домыслы по сожалению Святослава связью с Малушей. Пестуна, абы к кому не приставляют. О том, что сын Святославу не был безразличен и это не просто какое-то увлечение, или плод ошибки говорит и то, какое имя выбрал отец для него. А без его участия в таком деле обойтись невозможно.

Оцените: «В буквальном переводе “Владимир” (“Володимеръ”) – великий в своей власти”. Называя так своего сына, Святослав, конечно, видел его преемником славных деяний своих предков. Имя несло и сакральный, магический смысл: оно определяло судьбу человека, прямо влияло на него – названный им не мог не властвовать славой. Наконец, имя служило титулом – оно сразу, ясно и понятно для каждого, ставило его обладателя на недостижимую для простых смертных высоту» (А. Карпов).

Достаточно точное определение. Святослав даже имя дал своему сыну громкое, какой уж тут байстрюк. Если бы он был рожден незаконно, как хочет нас лукаво уверить летописец и к чему все уже привыкли, то никакой город не принял бы его власть. Миром же правил обычай, идущий от отцов и дедов.

Так что для Святослава Владимир – законный сын от любимой женщины, вот и весь сказ.

Что же еще могут сказать по этому поводу историки и источники? Загружать лишние цитаты не буду, вполне достаточно будет одной: «Малуша не была женой князя Святослава в полном смысле этого слова. Жены-полонянки – явление обыденное. Но Малуша была “робой” не самого князя, а его матери. Позднее предание рассказывает о жестоком гневе Ольги на свою чересчур пригожую ключницу. Ольга выслала ту из Киева в некое село, Будутину весь. Здесь и родился Святославов сын.

Это предание сохранилось в знаменитой Никоновской летописи – крупнейшем летописном своде средневековой России, созданном в XVI веке. Для ее автора – книжника московской поры – образ “рабыни”, простой девушки из народа, соединился с представлением о связи с нею князя Святослава, как о чем-то запретном и предосудительном. Многие и сейчас склонны считать Владимира незаконнорожденным сыном Святослава, “бастардом” (или, по-русски, байстрюком), изгоем, не имевшим прав на великокняжеский стол. Это не так. Древняя, языческая Русь совсем по-другому, нежели мы, смотрела на таинство брака. Владимир не мог считаться “незаконнорожденным” уже потому, что он был сыном князя, его продолжением и воплощением. Следовательно, он и сам был князем – с самого момента рождения. Как «семя княжеское» Владимир вобрал в себя все содержание и весь смысл княжеской власти. Он обладал княжеским именем – точнее, именем-титолом, дававшим его носителю право владеть людьми и землей» (А. Карпов).

Может быть, А. Карпов не шагнул так далеко, как я, но направление его мыслей совершенно верное. Правда, Татищева он читал невнимательно, иначе бы нашел у мэтра такие вот строки: «Она (Малуша. – В.В. Ф.) по имени рода славянского и, может быть, свойственница Олеге была, ибо чин ключницы при дворе был знатный».

Что же касается его, Владимира Святославича, положения, повторюсь: «Малушу, мать Владимирову, Кромер наложницею нерассудно именует, ибо тогда вне закона всякая жена по единому только общему соизволению и действительному между ними взаимному обязательству супруга самая настоящая была». Супруга самая настоящая была!!! Напомню, это сказал В.Н. Татищев, а он человек большого ума. А то, что крови не княжеской, то за это ее упрекать и попрекать могли, но не более того. Святослав сам выбрал себе законную пару по любви. А то, что это было действительно так, я смогу вам подтвердить, когда дело коснется вражды Владимира и его брата Ярополка. Подождите.

Подытожим. Святослав вступил в законный брак с Малушей, ключницей его матери. Одним из итогов этого брака явилось рождение у Святослава сына, еще одного законного наследника власти.

Что касается так называемых незаконных детей, то у Святослава их могло быть множество, но ни один, ни до правления Святослава, ни после не имел ни малейшего законного права не только на престол, но и на власть в любом русском княжестве. Подтверждением этому служит вся история. Проверьте, это же лежит на поверхности, ни каких тайн тут нет.

«Князь воспринимался тогда как некая высшая сила, воплощавшая в себе все общество и всю землю. Он служил, как мы говорим сейчас, гарантом социальной стабильности и порядка, один мог защитить своих подданных не только в случае нападения чужаков, но и в случае любой другой беды – стихийного бедствия, неурожая» (А. Карпов).

Владимир – не просто признанный Святославом сын, он его любимый сын, от любимой жены. Именно по этой причине его признает и Ольга. Для нее он маленький князь, наследник власти, пусть и младший в списке. Кстати, все тот же мой коллега, пусть и невольно, но своим выводом подтверждает то, что я пытаюсь вам сейчас сообщить. «Привыкшая властвовать всею землей, Ольга едва ли стала терпеть открытое нарушение обычаев в своем собственном доме» (А. Карпов). Во время нашествия печенегов на Киев, о котором у нас пойдет речь впереди, Владимир находился там с бабушкой и двумя своими братьями. А ведь могла бы держать мальчика в стороне от больших дел, сославшись хотя бы на его возраст.

«Летопись называет его третьим, то есть младшим, сыном князя Святослава: во всех перечнях Святославичей (а их в Повести временных лет два) имя Владимира идет после имен его братьев – Ярополка и Олега». Вот и думайте. А посему забудьте про байстрюков и тому подобные сказки. Ни Игорь, ни Олег, ни даже сам Владимир никогда не наделяли незаконно-рожденных детей (если даже у них и были незаконные дети) правом на власть.

Есть еще одна популярная, но недалекая точка зрения: «...Для Святослава Владимир не стал любимым детищем. Малушин сын напоминал князю не столько о сладости любви (которой, может быть, вовсе и не было), сколько о горечи и унижении разрыва. Позже мы столкнемся с явным проявлением пренебрежения к Владимиру со стороны отца» (А. Карпов). Глупость, даже повторенная многократно, остается лишь глупостью. Ни с каким таким пренебрежением отца к Владимиру мы не встретимся ни разу. Поступки же Владимира докажут только одно: отца он действительно любил и чтит. Смерть Ярополка этому прекрасное подтверждение. Именно Владимир отомстил за отца. Поэтому утверждение «Владимир, вероятно, не чувствовал привязанности ни к кому в своей семье – ни к отцу, ни к бабке, ни к братьям». Это личное мнение того, кто его высказывает, и не от большого ума, надо сказать.

И снова я забежал далеко вперед. А пока повторю промежуточный итог. Владимир – законный сын от законного брака, признанного всеми, пусть мать его и была рангом много ниже отца.

Что нам известно о дате рождения Владимира Святославича? Скажу откровенно: мало.

Принято считать, что Владимир не мог появиться на свет раньше второй половины 950-х годов, учитывая, что он был только третьим сыном. Хотя даже в этом возникают сомнения.

Был ли вообще Владимир младше Олега? Можно задаться и таким вопросом, и даже найти на него положительный ответ. А. Карпов полагает, что «порядок перечисления сыновей Святослава мог определяться не их возрастом, а их происхождением от той или иной жены великого князя. Именно так перечислены, например, в летописи многочисленные сыновья самого Владимира. Правда, некоторые позднейшие летописи прямо именуют Владимира младшим из Святославичей, но к такому выводу их авторы могли прийти чисто логическим путем, исходя из известного нам текста Повести временных лет».

Однако ответ, который я вам здесь процитировал, далек от истины. Случаи, конечно, бывали, но только не в том, что касается главной княжеской семьи страны. За этой ветвью летописцы всех княжеств и городов следили четко, ведь именно от срока рождения зависела и очередность права на верховную власть.

С местом рождения тоже не все так просто. Считается, что «родился Владимир скорее всего не в Киеве, а в сельце («веси»), принадлежавшем его бабке, – Будутине. Где оно было расположено, неизвестно. Иногда полагают, что в Южной Руси, недалеко от Киева, иногда – что на севере, вблизи Пскова» (А. Карпов).

Я лично склоняюсь к Пскову.

О том, каким ребенком и как рос Владимир, нам ничего узнать не удастся. Летописи маленькими князьями и их жизнью не особо интересовались. Например, о том, что у его отца, Святослава, был брат из летописных сводов, мы можем узнать только по известию, занесенному в эти самые списки, о смерти этого самого брата. Оказывается, он был казнен Святославом, как христианин. А чем он занимался все это время, так и остается загадкой. А ведь в случае гибели Святослава в войне с тем же Цимисхием, именно его родной брат, а никак не Ярополк, получал все права на верховную власть. Так что о том, чем занимался маленький Владимир, можно только догадываться, а еще лучше даже не тратить на догадки время. Можно с уверенностью сказать одно: Владимир с определенного возраста рос в Киеве, потом по велению отца отправился с дядькой Добрыней в Новгород. Этого для нас вполне достаточно. Главное, Владимира признали, пусть и младшим из законных детей Святослава, а это значит, что он сохра-

нил, пусть небольшие, пусть и довольно призрачные, но шансы на то, что в один прекрасный для него день, он может стать правителем всей Руси.

Первый раз имя Владимира появляется на страницах летописи в Повести временных лет одновременно с именами его братьев – в том месте, где идет речь об осаде Киева печенегами весной 969 года. Степняки выбрали момент и пришли к городу именно тогда, когда Святослав со своей дружиной находился вдали от Руси и не мог ничем ему помочь. Вот такая запись появилась на страницах ПВЛ: «...и затворилась Ольга во граде со внуками своими, Ярополком, и Олегом, и Володимером».

Теперь я вам расскажу о произошедшем случае более подробно.

Глава 3

Осада печенегами Киева

В 967 году Святослав отправился на болгар «как по призыву Никифора, царя греческого, так и по своей обиде, что болгары помогали казарам» (А. Захваткин). Собрал князь большое войско и пошел добывать себе славу ратную. Замыслы его были велики. Воевал Святослав широко, с душой и размахом, поэтому все, кто мог носить оружие, ушли с ним. Дома остались лишь немногие. А из воинов – так и почти никого. Собрать сильное войско из тех, кто остался в Киеве, не представлялось возможным.

Оценивая итоги деятельности Святослава в том году, летописец пишет кратко и удивительно точно: «Святослав упражнялся в делах военных в Переяславце». И в словах его виден неприкрытый сарказм. Мы последуем его примеру. Нас не интересует страна Болгария, нам важна Русь. Что же здесь? Ведь с уходом войска в поход жизнь в Киеве не прекратилась.

В отсутствие Святослава власть вновь перешла к его матери, княгине Ольге. Она «жила и управляла делами земскими (внутренними), не имея от нападения посторонних никакой опасности». Грозное имя Святослава оберегало русские земли от внешних врагов. Правда, когда самого хозяина нет, такие обереги служат не долго. Так случилось и в этот раз.

Как союзники печенеги оказались Святославу в Болгарии не нужны, не было для них там у русского князя работы. Оставшись на какое-то время без дела, печенежские ханы напрягли свои извилины и после непродолжительного мозгового штурма, пришли к выводу, что неплохо было бы взять и пограбить Киев, пока его грозный властелин раздвигает рубежи за счет болгар. О последствиях печенеги никогда не задумывались. Алчность всегда вела их вперед, а если к ней добавлялась безнаказанность, то такого искушения печенеги не могли избежать никогда. Степные стервятники всегда чуяли, где можно безопасно пожить. За счет этого они, собственно, и жили. Только три вещи в этом мире могли заставить их соблюдать договоренности: страх, деньги и сила.

*Святослав вторгается в Болгарию с печенежскими союзниками.
Рисунок из Хроники Константина Манасса*

В предвкушении наживы такого масштаба враждебные кланы замирялись между собой. Богатый и оставленный без всякой защиты Киев был славной приманкой. Степные всадники давно мечтали о победоносных войнах и богатой добыче, и, казалось, этот день настал. Печенеги издавна побаивались могущества Киева, но в этот раз никакого серьезного отпора не ожидали. Конечно, в Киеве ничего не знали об этих замыслах.

«В Киеве же тогда войск не было, только граждане», а из представителей верховной власти «Ольга с тремя внуками, Ярополком, Ольгом и Владимиром». У каждого из них были свои

ближние люди, была городская стража, но даже их всех едва ли хватило бы, чтобы защитить от врагов городские стены. Это было ведомо всем, а такие вести разносятся быстро, особенно по степи, кажущейся бескрайней.

До этого момента Русь с печенегами не воевала. Отец Святослава, князь Игорь, довольно скоро нашел слабость печенегов, на которой можно было всегда сыграть. Жадность. Им нужно было либо хорошо платить, либо обещать хорошую поживу. И тот, и другой вариант печенегов вполне устраивал. Эта дружба пошла на пользу и Руси, и печенегам. Русь стала гораздо мощнее, чем была бы без помощи печенегов. Имея в союзниках печенежскую конницу, можно было вершить самые великие дела. Правда, она была плохо управляема, хоть и сильна, по этой причине нужно было уметь правильно ее использовать в период военных действий.

Отсутствие Святослава в Киеве повлияло странным и непредвиденным образом на состояние умов печенежских властителей. Воспользовавшись возможностью, печенеги восстали против него, они сбросили личину друзей и явили миру свой гнев. Собрав огромное войско, они вторглись в пределы Руси, разрушая все на своем пути, и осадили Киев. Святослав не мог отреагировать быстро: чтобы отразить угрозу, ему с войском предстоял далекий путь из Болгарии. А для того чтобы выйти в путь, ему нужно было получить просьбу о помощи, развернуть войска и скорым маршем двинуться к дому, но на все требуется время. Так что запас времени у печенегов был достаточный.

Воин-степняк. Реконструкция на основе изображения VIII в.

«Внезапно печенеги в великом множестве пришли к Киеву и, разорив около Киева, град обложили отовсюду» (Татищев). Киев был совершенно не готов встретить натиск такого множества всадников. Отбросить их назад не представлялось возможным, большая часть отборных воинов была в Болгарии со Святославом, в городе остался лишь малочисленный гарнизон, а воинство печенегов было столь велико, что было в состоянии одновременно отражать натиск малочисленных отрядов самообороны, пытавшихся противостоять степной коннице и осадить город. Но большинство из тех, кто пробовал оказать сопротивление, погибли, потому что они были плохо вооружены и не было над ними единого лидера. Эти очаги обороны были стихийны и слабы. Черно от незваных гостей стало под киевскими стенами. Печенеги беспорядочно наступали, все еще ликуя и распевая победные песни, не видя никого, кто мог бы

им противостоять. Приближался час штурма. Вся местность сотрясалась от злобных воплей воинов степных отрядов. Они кричали что-то визгливыми голосами, но разобрать слова было невозможно. Хоть осадные лестницы быстро принимали свои очертания под руками работавших с фантастической скоростью, воинов взять город сходу печенегам не удалось. Укрывшись щитами, которые отразили большинство стрел, киевляне приступили к работе по защите города. Почти никто из степняков, ступивших на лестницу первым, не добирался до вершины, но даже если это удавалось, им приходилось нелегко в одиночестве против нескольких защитников, пока снизу не подспеют товарищи. Некоторые из них были тут же сброшены со стены вниз, не успев закрепиться. Те, кто находился у подножья стен, криками подбадривал тех, кто поднимался на стены по лестницам. На них сверху из огромных котлов с шипением проливался кипяток, а лучники сыпали стрелами, опорожня колчаны. Нападающие, в чьи тела жадно вонзались стрелы, кричали от боли. Многие отчаянные воины срывались вниз и гибли, не успев даже долететь до земли. Другие, не менее настырные печенеги, издавая боевые кличи, продолжали наступление, и пока их товарищи, подняв щиты для отражения стрел, прикрывали их, они пытались разбить городские ворота.

Ворота не дрогнули и выдержали удар, преградив путь врагу. Из глоток степняков вырвался крик скорби и досады.

Штурм не удался. Сражение было проиграно. Повторить опыт желания не было. Но это был еще не конец.

Злодеи не собирались отступать, наоборот, чуя безнаказанность, разорили и разграбили все предместье и всю округу, тех, кто попадал им в руки, либо брали в полон, либо предавали лютой смерти. Горестный плач разнесся по всей земле Русской. Степняки предпочитали сражаться конными, только вот кони на стену взлетать пока не научились. Что же им оставалось? Задуть город блокадой. Голод станет их союзником и поможет открыть городские ворота. Если Святослав не покажется достаточно долго, а из Болгарии путь не близкий, то шансы на успех есть, и времени для этого вполне достаточно. Что сейчас происходит у Киева, он не знает, а весточка с призывом о помощи может до него и не дойти, значит, увеличиваются и шансы на успех. В то, что кто-то, кроме Святослава, осмелится помочь осажденному городу и княгине Ольге, печенежский хан просто не верил. Против такой силы, какую привел с собой он, нужна только сила, равнозначная. Поэтому хан пребывал в хорошем расположении духа, ведь каждый день осады приближал его к заветной цели. Он видел, что киевляне держатся из последних сил.

Великое зло проникло в славянский мир. Киев никогда прежде не сталкивался с таким нашествием, которое сочеталось со столь неотступным предчувствием грядущей гибели и всеобщего разрушения.

Вот при каких трагических обстоятельствах в первый раз упоминается в летописи имя Владимира.

Киевляне не привыкли ни к осадам, ни к лишениям. Давно враг не ступал на Русскую землю. Лет сто, как никто не нападал, не жег, не грабил, не разорял. При Аскольде, Олеге и Игоре обходили напасти город стороной. А чтобы Киев штурмовать, такого отродясь не бывало. И кто бы мог представить себе, что это может случиться при самом воинственном и храбром из всех князей – Святославе!

– Орды печенегов окружают город, и наше поражение – это вопрос времени. Мы сможем обороняться, пока у нас хватит продовольствия. У нас нет иного выхода, как только сдаться на милость хана.

Так говорили советники Ольги и некоторые из приближенных ею бояр.

– Нет! Лучше умереть с голоду, чем принять его условия. Нет. Никогда.

Так отвечала им дочь Вещего Олега. Она была уверена, что, хоть Господь и послал ей такое испытание, он же и поможет ей выстоять и избежать гибели, и не только ее гибели, но и

княжеского потомства. Не даст пресечь род Игоря на земле Русской. Она раздражалась, когда начинались тревожные разговоры.

– Перестаньте горевать, перестаньте! Не гневите Бога своими жалобами, и Бог не оставит вас! – говорила киевская правительница тем, кто готов был впасть в уныние.

Однако, как гласит русская пословица, на Бога надейся, а сам не плошай!

Княгиня Ольга была женщина твердого разума и понимала, что самим сейчас не выстоять, их положение было отчаянным, нужна была помощь. «А к Святославу вести послать было невозможно, поскольку все проходы и пути были заняты» (А. Захваткин).

Сначала киевляне рассчитывали, что, ограбив окрестности и убедившись в надежности стен, печенеги уйдут. Но не тут-то было. Вконец разгулявшись, печенеги просто обнаглели. Они расположили свой стан вокруг стен города, взяв его в тугое кольцо блокады. «Наконец, печенеги и к Днепру по воду ходить возможность отняли, чрез что во граде случился в воде великий недостаток, и уже люди стали от голода и жажды изнемогать». Знал печенежский хан, что делает. Лишив город воды, он лишил киевлян источника жизни. Горожане терпели из последних сил, но город находился в осаде уже не одну неделю. Не случайно печенеги выбрали для нападения время, когда, пережив зиму у киевлян еще не было возможности пополнить свои амбары. Все ждали нового урожая. А печенегам нужна была как раз не еда. То, что они хотели получить, съесть было невозможно. Да и коням их травы на киевском приволье хватало. А вот киевляне травой питаться не были приучены.

Гонцы, что несли князю Святославу весть о беде, постигшей его княжество, уже давно умчались. Только пыль под копытами клубилась. Скакали они, не зная сна и отдыха. Каждый вез послание, заученное наизусть, которое нужно было вручить князю Святославу лично, если посланцу удастся достигнуть тех земель, где тот вершит свои подвиги. Известие, что они везли с собой, было им ведомо, и нет им по этой причине времени для отдыха. Из разных мест они держали свой путь, только точка встречи у них должна была быть одна – в походном шатре князя Святослава.

Бедствие, которое обрушилось на Киев, не могло не остаться незамеченным в других городах Руси. Поэтому и гонцы мчались к своему повелителю из разных мест. Те, кого Святослав оставил для поддержания порядка и защиты рубежей своих, должны были реагировать. Русские своих в беде не бросали: не принято было.

Черниговский воевода по имени Претич одним из первых узнал о страшной беде свалившуюся на Киев. Он был отважным человеком и опытным воином. Созвал он своих дружинников и обратился к ним с короткой речью:

– На Руси от врагов стон стоит, надо нам скорее на помощь к княгине Ольге добираться. Собирайтесь в поход к стольному Киеву! Пришло время выполнить свой долг!

Все дорогое и близкое ему пылало. Русская земля была в огне. Русское небо заволкло дымом. Он собирался исправить положение.

Печенеги оценивали русских воинов неверно. Ни один из степняков, бывший в здравом уме, не сунулся бы при таком численном перевесе в пасть волку, – так рассуждал печенежский хан. И зря.

«Претич, уведав о том, вскоре собрав войско, сколько мог, приплыл в ладьях и конями с его войском стал за Днепром против Киева на другой стороне» (А. Захваткин).

Напасть сразу воевода не решился, да и незачем это было: сперва нужно было разведать обстановку и себя пока не обозначать, не привлекать к себе ненужного внимания со стороны противника. Претич понимал, что силы не равны, а губить себя и своих людей в безнадежной сече он не считал нужным. И дело не только в возможной гибели. Он мог бы умереть достойно, но с его смертью была бы уничтожена последняя надежда киевлян на избавление от злой напасти. А он всегда предпочитал хитрость силе. Просто неприлично сражаться в открытом бою, если тебя превосходят количеством и массой.

Проскользнуть незаметно в Киев, со своими людьми усилив оборону города, и привезти им съестные припасы было просто невозможно. Да и не решило бы это исхода дела. Самый умный вариант, который вообще можно было придумать, это одновременно ударить по печенегам с двух сторон, но такую опасную операцию необходимо было согласовать, учитывая то, что в самом Киеве, бойцов способных сражаться с врагом, было совсем не густо. Для княгини Ольги стало жизненно необходимо связаться с воеводой и как можно быстрее подтолкнуть его к каким-то активным действиям. Но «не было им возможности в Киев, ни из града к оным пройти». Тут думай не думай, а других вариантов не придумаешь, гонец с трагическим известием должен был быть отправлен. «Тогда старейшины киевские начали искать человека, кто бы мог перейти на ту сторону и сказать о нестерпимой нужде граждан; ибо если оные помощи не учинят, то вскоре принуждены будут сдаться, и град и люди с княгиней и княжичами погибнут» (Татищев).

Дело было трудное, практически невыполнимое и добровольцев очередь не стояла. Тут одной храбрости недостаточно. Мечом дорогу к реке не проложить. Мало того, что себя обрекаешь на смерть, так еще и столицу, которая рассчитывает на тебя. Тут, чтобы действовать, нужна была идея! Тут нужна была смекалка!

«И нашелся один муж, довольно печенежский язык знающий. Тот обещал перейти за Днепр с известием». Не каждый второй в Киеве знает язык кочевий. Но в Киеве живут люди разных национальностей, как и в любом другом мегаполисе. Ничего удивительного в этом нет. Мало того, среди дружинников, нанятых князьями, встречаются бойцы, рожденные в степи. Так что совсем неудивительно, что для такой ответственной, смертельно опасной миссии выбрали человека, не только знающего язык печенегов, опытного, и к тому же ни внешне, ни одеждой не отличавшегося от степняка. Кем он, скорее всего, и являлся. Имя удалца, решившегося на столь отчаянный шаг, летописи не сохранили.

Ждать было уже совсем нельзя, поэтому, не откладывая на потом киевский лазутчик «той же ночью выйдя из града с уздою, пошел сквозь полки печенегов, спрашивая, не видали ли коня его».

Человек он был не робкий, поэтому решил выбрать наиболее радикальный метод продвижения к своим. Он шел открыто, не выказывая ни страха, ни сомненья, одну лишь озабоченность. В тени костров не прятался, на посторонние звуки не отвлекался, голову в плечи не втягивал при первом же оклике. Обычный печенег, в обычной повседневной жизни своего табора. Степняки были довольно беспечны, они не ожидали увидеть в самом сердце своего стана шпиона, да и особой подозрительностью они не отличались. Ищет человек своего коня – что может быть важнее, ведь степняк без лошади – что птица без крыльев, да и не человек он вовсе. Наверняка даже посмеивались и поддразнивали они своего невезучего соотечественника. Одно слово, непутевый.

Маскарад удался. Татищев: «Печенеги же принимали его за своего». А маршрут непутевого степняка был явно направлен к реке. Этот момент был самым опасным. Если в многолюдье и многоголосье печенежского стана еще можно было затеряться, то на берегу Днепра одинокий любопытный до большой воды степняк вызывал пристальное внимание дозорных. А стояли на берегу Днепра стражи бдительные. Правильно, ведь в первую очередь помощь Киеву могла прийти лишь оттуда, с воды. И вглядывались они в темень своими раскосыми глазами и вслушивались, боясь пропустить лишний тревожный всплеск. А тут любитель ночных купаний, и это все притом, что сами степняки мыться не любят, и до купаний они не большие охотники, тем более ночью. Поэтому, как только «он приблизился к реке Днепру, скинув одежды, пошел в Днепр и поплыл, тогда печенеги, видевши то, устремились на него, стреляя из луков по нему». Хорошо, лазутчик плавать умел, он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул довольно далеко от опасного берега.

Тут у дозорных отпали последние сомнения, что это киевский шпион, но повезло, ибо «не могли ему ничего учинить». Даже если теперь печенежские стрелы и падали в воду в опасной близости от плывущего лазутчика, то никакого вреда ему они не причиняли. Это не ясный день, когда цель прекрасно видно. Укрыла ночь своим темным крылом героя. Уберегла от вражьей стрелы, оставила горожанам надежду на избавление.

Однако и на той стороне, где расположилась русская дружина, тоже не спали. «Воины же русские, видя человека плывущего, послали навстречу ему ладью и, взяв присланного в ладью, привезли к воеводе». Прямо из воды, как был, мокрого, они доставили его к воеводе. Дружинники понимали, насколько спешное дело у этого отважного человека, и промедлений здесь быть не должно. Дремлющий русский лагерь стал мгновенно просыпаться. Раз лазутчику удалось добраться до воеводы, значит, он пришел не с пустыми руками. Значит, у него есть весть, приказ, или какое другое известие, от которого зависят и их судьбы, но главное, это означало одно. Пришла пора действий. Отважный гонец, представ перед воеводой, объявил тому, «в какой крайней нужде Киев состоит, говоря: “Если не подступите наутро ко граду, то принуждены будем сдаться печенегам”». В переданных киевлянином словах были не только укор и надежда, он передал Претичу план, к которому склонялся и сам воевода. То, что этот план существовал, вы поймете из развития дальнейших событий, ведь никаких иных гонцов в стан черниговцев не попадало, кроме этого, единственного. Но он всего лишь передавал желаемый вид действий, для княгини Ольги, решение же, как действовать конкретно, должен был принять сам черниговский воевода.

Теперь судьба стольного Киева зависела только от действий воеводы Претича и больше ни от кого. Все было в его руках. Но проще от этого не становилось. Понятно стало одно: действовать нужно немедленно. Промедление смерти подобно. Времени для раздумий оставалось кот наплакал. Один воевода Претич решение принимать не стал, а собрал совет из воинов и советников, наиболее опытных. К сожалению, этот мозговой штурм большой пользы не дал, «все согласно представляли, что с малым их войском против столь великого множества неприятелей биться и град оборонить не могут, и во град войти без довольства запасов не польза, но пустая погибель». Решение должно было быть явно неординарным. Только в этом случае есть шанс на успех. Второго шанса степняки не дадут. Да и вполне возможно, что план просто некому будет осуществлять.

Однако решение все одно должно было бы быть принято, ибо действовать без какого-либо плана совсем, надеясь лишь на удачу, большая глупость. И решение было принято. Оно было тяжелым и обрекало на разорение столицу, а киевлян на смерть и плен. Это уж кому как повезет. Но ничего иного придумать воевода не смог. Да и сил у него на более грандиозные предприятия просто не имелось.

А решил он вот что: «Воевода Претич же рассудил, что они имеют ладьи, и печенеги им на воде ничего сделать вредного не могут, сказал, чтоб, конечно, идти на ту сторону в ладьях, и если града оборонить и помощи учинить не сможем, то по меньшей мере княгиню и княжичей можем, взяв, увести на сю сторону». Воевода сделал свой выбор. Раз он не может спасти ни Киев, ни киевлян, то он должен спасти жизни членов княжеской семьи, сохранить династию.

Это было опасное и дерзкое предприятие, но ничего больше Претичу не оставалось. Понимал воевода и то, что большинство из его бойцов расстанутся завтра с жизнью, защищая княжескую семью и саму княгиню Ольгу. Но в этом и состоял его долг. Долг воина. Одним из наиболее сильных мотивов, подтолкнувших воеводу Претича к столь рискованному маневру, летопись считает страх перед князем Святославом: «А если сего не учиним, то погубит нас Святослав. Боялись же весьма его, так как был муж свирепый». Так говорит воевода своим боевым товарищам. Что так смерть, что этак. А смерть в бою для воина почетней, чем от руки своего князя, как изменнику. На самом деле, это было никакое не открытие и не откровение. Это и так все понимали. И не только потому, что Святослав суров и жесток. Просто воин,

защитник земли Русской, который не выполнил свой долг, пожалел свою жизнь, когда столицу его Родины разграбили, а его повелителей убили, не достоин ни звания богатыря русского, ни жизни. Пожалуй, в устах воеводы это все звучало как печальная, но справедливая констатация факта. Как гласит русская народная пословица: взялся за гуж...

Все эти люди были бесстрашны и в прошлом совершили много подвигов, слово «страх» им было неведомо. А боялись бы они за жизнь свою, так бы и сидели за крепкими стенами черниговскими, куда враг еще не добрался. Но дружинники Претича были здесь и собирались драться. Это был их выбор.

Все присутствовавшие на этом военном совете согласились с Претичем, да и глупо было бы спорить. Не о чем. Нужно было готовить операцию.

Времени на подготовку оставалось совсем мало, и нужно было использовать его с пользой.

Рассвета дожидаться не стали. Выступили затемно. Дружина села в ладьи и дружно взялась за весла. Они знали, на что идут и куда, но настроение у воинов было приподнятое. Они шли в бой. Ожидание было позади, теперь все зависело от их ратной выучки и, конечно же, от удачи. Для пушей убедительности воевода приказал воинам занять как можно больше ладей. Чтобы лодочная эскадра выглядела более внушительно. Нападать в темноте, пользуясь элементом внезапности, Претич не стал. Он сделал все как раз наоборот.

Как только солнце поднялось над горизонтом, и печенежские дозорные могли рассмотреть и определить в быстро приближающихся к берегу темных точках боевые славянские ладьи, воевода сам обозначил свое появление, с зеркальной глади воды раздался громкий рев боевых труб. Этот рев, слышанный печенегами не раз, ни с чем нельзя было спутать. И значил он только одно: русские атакуют.

«На рассвете вострубили во все трубы и пошли прямо ко граду». Ударили они на вражью силу, словно гром с небес. Это было также сигналом и для княгини Ольги. Чтобы она со своими людьми была готова к действию.

Дозорным, находившимся на берегу, казалось, что русские боевые ладьи выплывают прямо из него, из жаркого и слепящего солнечного диска, так ярко и радостно в глаза печенегам светившего.

Пересчитать их было мудрено, и от этого их казалось очень-очень много. Но, раз они нападали, значит, их точно было много!

Такого нахальства печенеги явно не ожидали. Они мыслили своими, понятными им категориями. Если на них открыто нападают, значит, нападавший располагает силой и уверен в победе. В противном случае это самоубийство. А ладьи Претича уверенно шли к берегу с явным намерением пристать к нему и атаковать неприятеля. Уже видна была червленость русских щитов по бортам ладей. Воины, сидевшие в них, уже начали из луков обстреливать находившихся на берегу печенегов. Русские нагнетали агрессию. Они понесли куда меньше потерь, чем ожидали, и добились куда большего успеха, чем сами рассчитывали, и одержали победу куда более скорую, чем предполагали. Первоначальный успех печенегов превратился теперь в начало их поражения.

Претичу же нужно было не просто славно погибнуть, ему нужно было выполнить поставленную перед ним задачу. Иначе все было бы напрасно.

Печенеги, недоумевая, готовились отражать нападение со стороны Днепра. Русская дружина действовала быстро. Ладьи, не встретив никакого сопротивления, скоро причаливали к берегу. Бойцы выпрыгивали из них, сразу строясь в боевой порядок, готовясь к атаке на врага. Претич одним из первых оказался на киевском берегу, он сам должен был руководить атакой. Росту воевода был немалого, и сила была у него необыкновенная.

Пока на берег Днепра высыпали лишь разрозненные печенежские неорганизованные отряды, с которыми русским витязям легко было справиться.

– Бей, руби!!! – гаркнул во весь голос воевода, давая сигнал к атаке, и повел своих людей вперед. Бросилась русская дружина на врага. Там, где не доставали мечи, там били стрелами. Где нужно, прикрывали друг друга щитами. И упрямо продвигались вперед, к киевским воротам.

Печенеги не любили таких столкновений, когда лицом к лицу, когда глаза в глаза, и начали пятиться от неожиданности, теряя людей, теряя коней и создавая неразбериху и сутолоку. Основные силы противника еще только собирались вступить в бой, когда их настигла еще одна неприятная неожиданность, сильно повлиявшая на моральный настрой: «Люди во граде, слышав оное, начали жестоко биться с печенегами» (Татищев). Киевский воевода, слыша призывный сигнал русских боевых труб, открыл городские ворота и ударил со своими людьми в спину печенегам. Вырвались из ворот богатыри виду страшного, лица у них грозные, глаза хмурые, кони под ними косматые, налетели они на печенегов тараном и давай их своими конями топтать. Воевода киевский. впереди всех скачет, пример доблести показывая. Одного печенега копьем сколол, другого врага конем стоптал, третьего о сырую землю расшиб! Разгулялась рука молодецкая, стосковалась без дела за стенами.

Его задачей было расчистить коридор во вражеском стане к тому месту, откуда ему навстречу двигались дружинники воеводы Претича, и вывезти на ладьях княгиню Ольгу и ее внуков подальше от угрожающей их жизни опасности. Киевляне, понимая, что городу все одно не спастись, вооруженные кто чем мог, поддерживая дружину княгини, обрушились всей своей отчаявшейся массой на врага. Вилы, топоры, засапожные ножи – все пошло в ход. От такой народной помощи у дружинников силы прибыло. Пошел жестокий бой.

Иногда сила отчаяния и безудержная смелость берут верх над численным превосходством противника. Одолевать стали русские богатыри, расчищая путь от Киева к берегу Днепра. Страх охватил печенегов.

Что могли решить вожди печенегов в этот самый момент для себя, когда их постепенно, с двух сторон зажимали между негостеприимными городскими стенами и могучей рекой? Суматоха и неразбериха царила в их стане. Они забыли напрочь о том, что их в разы больше, что сила их громадна. Не разобравшись, что к чему, они уяснили для себя одно: такая дерзость возможна лишь в единственном случае. Пришел Святослав!!! А Святослав – это верная смерть!!! Тут пощады не жди! Скачи в степь без оглядки, пока конь несет, и не смотри назад, надеясь, что за тебя расплатятся другие.

Так и случилось.

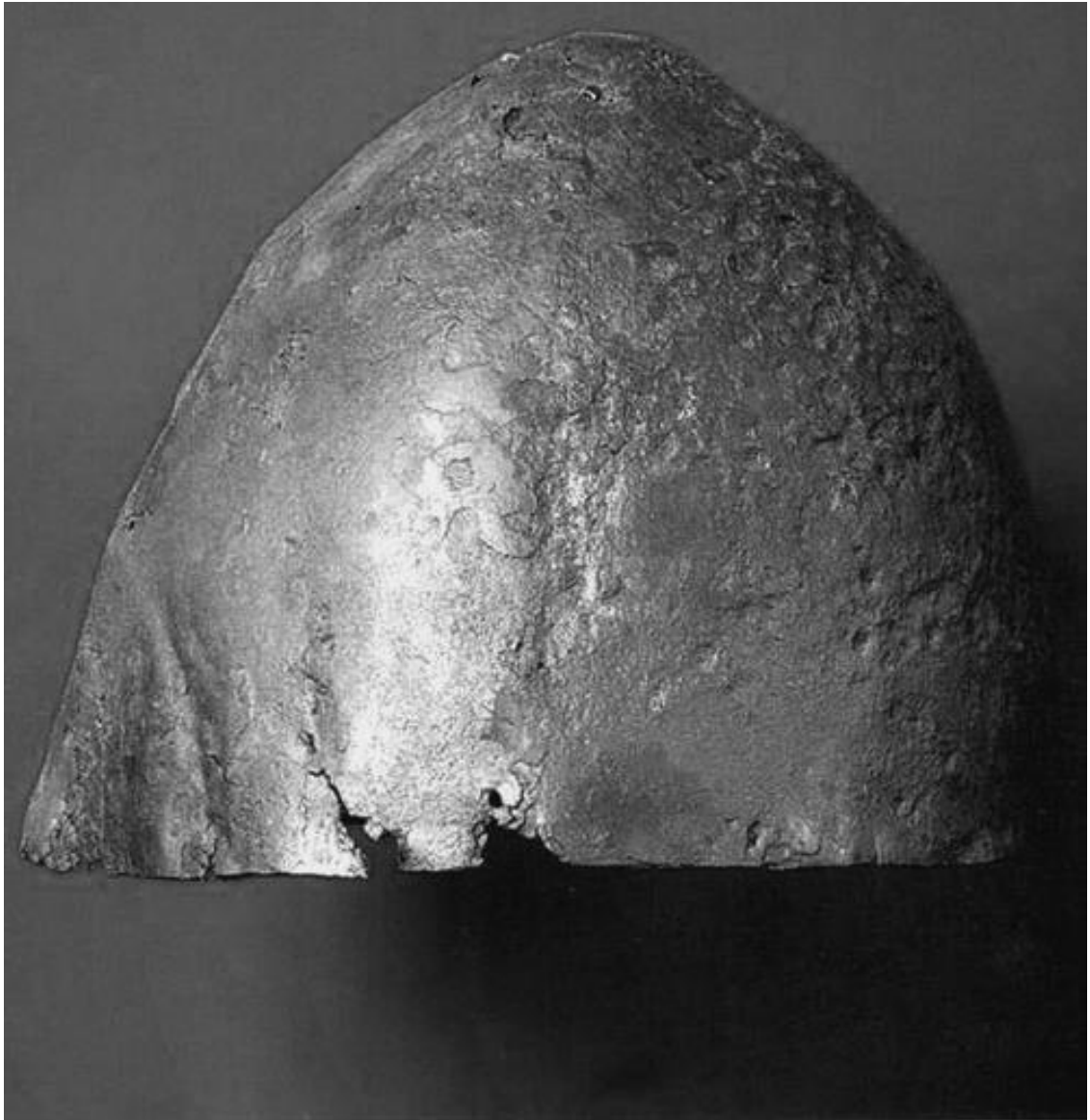
Глядя на все происходящее вокруг, нервно думал печенежский хан: «Чую, ох чую я беду. Видно, просчитался я. Успел вернуться князь Святослав домой с войском. Скоро он сам будет здесь. Вот тогда совсем беда!»

И побежал печенежский хан со свитой от Киева, спасая свою жизнь и подавая пример своим воинам.

«Печенеги же, решившие, что князь некий пришел, убоявшись, побежали от града». Ничего другого им в этом случае в голову просто не пришло.

Увидев, что враг отошел от города, «вышла Ольга со внуками и людьми к ладьям». Теперь княгиня в любом случае была в безопасности. На воде ее печенегам было не достать. Воевода Претич выполнил свою миссию. Он одержал победу, полную – но не решающую.

Казалось бы, все, но нет. Печенегов было слишком много, чтобы долго бежать без оглядки. Скорее рано, чем поздно, они должны были остановиться и, переведя дух, утрамбовать в своих головах, что же все-таки произошло. Что так напугало эту армию, что она, подобно стае вспугнутых птиц, бросила свое, казалось бы, уже выигрышное дело и разлетелась по степи в поисках укрытия.

Шлем степного воина

Не поняв, с кем и с чем они точно столкнулись, печенеги уйти восвояси не могли. Теперь, когда они остановились, перестроились, почувствовали плечо соплеменника, свою внушительную силу, они стали проявлять любопытство.

Печенежский хан просто обязан был вернуться, хотя бы для того, чтобы не потерять лицо.

Да и у Киева ситуация сложилась такая, что оставляла больше вопросов, чем ответов.

Воевода мог посадить княгиню Ольгу с внуками в ладьи и увезти их в безопасное место, но нужно ли бы было теперь это делать? Была ли необходимость княгине Ольге покинуть свой Киев теперь, когда печенеги отогнаны? Ввести дружину Претича в Киев и вновь закрыть за собой двери, празднуя победу? Тоже было непонятно, ведь воевода, идя в бой, не вез на ладьях продовольствие, тем более столько, чтобы накормить все население крупного города. Вернись печенеги – и все вместе они вновь окажутся в голодной ловушке. Ведь еды в городе по-прежнему нет, а людей для открытого противостояния увеличилось не намного?

Вопросы, вопросы, вопросы. Наверняка они мучали и княгиню Ольгу, и воеводу, стоящих сейчас в раздумье на берегу Днепра. Главный, объединяющий вопрос русского человека: «Что делать?» – открыто стоял на повестке дня.

Печенегов тоже мучили неразрешимые вопросы, только иного свойства. Отбежав на безопасное расстояние, вся эта угрюмая сила упорно думала, взвешивая шансы: вернуться или нет. Нарвешься на большие неприятности, или все это – лишь массовое помешательство, и они одной своей массой сейчас вновь притиснут русских к стенам их города и раздавят окончательно? Верить в собственное помешательство не хотелось, но и нарваться на неприятности, при которых большая вероятность расстаться с жизнью, тоже. Выбор был не из приятных, но его необходимо было сделать.

Так как обе стороны не могли долго находиться в раздумьях, кто-то должен был сделать первый пробный шаг. Очень хорошо, что на него решился печенежский хан. Он решил хитростью выведать, кто это подоспел на помощь Киеву, каковы его численность и планы.

«Князь печенежский, видя оных и желая уведать, кто пришел, возвратился с малым числом людей и, приближаясь к войску русскому, звал, чтобы князь и воевода от одного к нему приехал». Видимо, он надеялся и боялся увидеть под стенами Киева самого Святослава. Теперь от переговоров было не уйти, тем более что русским они были на руку. Толмач, скачущий чуть поодаль от своего повелителя, снял с головы шапку, помахал ею и крикнул, дополняя уже сказанное:

– Приехал я к тебе не биться, а по доброму делу!

Отказать в переговорах было нельзя, печенеги могли заподозрить неладное. И тут воевода решился еще на одну хитрость. Практически он затеял рискованную игру. Понятно, что ни княгиню Ольгу, ни тем более внуков до печенегов допускать нельзя, да и не будут они с ними долго разговаривать. Не приучены они всерьез воспринимать на княжеской должности ни женщин, ни детей. Русскую сторону мог представлять на переговорах лишь один человек – тот, кто пришел со стороны Днепра и напугал печенегов. На том и порешили.

На зов печенежского хана русские ответили, что они вняли его просьбам и что их переговорщик сейчас подъедет.

Воеводе подвели громадного коня. Шея у него крепкая, грудь широкая, брюхо подтянуто. Подтянул подпруги витязь русский и взобрался на него, а взобравшись, стал он выглядеть угрожающе, как будто не на переговоры он ехал, а на поединок. Сидит богатырь в седле прямо, не шелохнется, плечи крутые расправил, кудри русые на голове шлемом золоченым прикрыв. Проверил оружие, легко ли меч выходит из ножен. Затем взял в руки плетку шелковую, ударил коня по крутым бокам, и тот гордо и неторопливо поскакал в сторону небольшого печенежского отряда. Сейчас на него во все глаза смотрел со стен весь Киев, и воевода не хотел ударить в грязь лицом.

Вся штука заключалась в том, что, в отличие от печенегов, он поехал на переговоры один с отчаянной смелостью человека, которому в жизни совершенно нечего терять. Печенега вновь должна была удивить такая самоуверенность русского витязя, возможно, одного из тех, кто явился из суровых и хладных северных краев.

Хан вытаращил на приближавшегося всадника узкие водянистые глаза, а толстые губы, прикрытые редкой черной бородкой, растянулись в одобрительной улыбке. Хан любил хороших коней и ценил искусство верховой езды, в котором и сам преуспел, ведь чуть ли не половину дней своих он проводил в седле. И сейчас он с восхищением наблюдал, как приближается к нему этот умелый наездник.

Судьба Киева сейчас во многом зависела от того, сумеет воевода отыскать нужный подход к печенежскому хану или нет. Нужно было учитывать, что Претич был больше богатырь, чем дипломат. А хана нужно было уметь убеждать, пока он находился в нерешительности и сомнениях.

Детали украшений конской сбруи из степных курганов

Первый вопрос хана был задан в лоб, прямо, рассчитывая на такой же прямой ответ. И в этом вопросе было вложено все, что больше всего хотел узнать печенежский хан. «И спросил его князь печенежский: “Кто сей пришел?”» Воевода, проявив такт, дипломатично ушел от ответа, по-прежнему оставляя хана в недоумении. «Он же отвечал: “Мы люди от той стороны”». Такой странный ответ никак не мог устроить печенежского вождя. Никакой новой информации он не получал, и что предложить дальше собеседнику, и главное, что делать или требовать, он не представлял. Поэтому он продолжал проявлять любознательность. «И сказал князь печенежский: “А ты князь ли или воевода?”».

В конце концов, он должен знать, с кем ведет переговоры. Равен ли ему собеседник, и способен ли принимать решения самостоятельно.

Претич все прекрасно понимал. Но с ответом не торопился. Приглядывался к хану, к его реакции, прежде чем выложить главный козырь на стол. Но момент настал. Воевода ухмыльнулся волчьей ухмылкой, глядя противнику прямо в глаза, нахмурил брови и сказал с угрозой в голос: «Я воевода Святослава, пришел в передовых, а за мной идут многочисленные войска с князем моим».

Сейчас, на своем громоздком коне, он возвышался как башня над всем печенежским отрядом, и его слова действительно выглядели угрозой. Прямой угрозой. Для дополнительного эффекта он даже положил ладонь на рукоять меча, как бы намекая на то, что принесет печенегам Святослав, идущий следом за ним.

Теперь наступал момент истины. Поверит хан в блеф воеводы или не поверит? Если отважиться и не поверит, а захочет мериться силами, тогда плохо придется Киеву. Если поверит, то город спасен. Время, пока печенежский хан переваривал полученный ответ, тянулось крайне медленно. Это было время, от которого зависела жизнь тысяч русских людей. Но хан поверил. Он не мог себе представить, что этот человек, напавший на него с небольшим отрядом, этот

воин, выехавший к нему один на переговоры, так уверен в себе не потому, что за его спиной – летящие по водной глади ладьи князя Святослава, а по собственной отваге. Ему в голову не пришло, что его попросту дурят. Он мерил по себе, поэтому и поверил, и проиграл. Сам он мог вести себя так же только исключительно в тех обстоятельствах, что я описал. И никак иначе.

А возможно, знал хан и от дозорных из дальних степей или родичей, что возвращается домой Святослав, только вот не ожидал он его так скоро увидеть. Надеялся все же пожить до его прихода, ведь победа была уже почти в кармане.

От самоуверенности хана ничего не осталось, когда его глаза встретились с глазами воеводы, толстые пальцы повелителя степи нервно застучали по богато украшенной рукоятке длинной сабли.

Что оставалось делать печенегу, который твердо знал: со Святославом ему не справиться и дожидаться его прихода совсем не стоит. Нужно было решить дело миром и уйти красиво. Потерять лицо он тоже не мог. За ним тоже была сила. Злобная, скрежетавшая зубами от ярости, что возможно придется уйти ни с чем, и в то же время трусоватая, ищущая не славы, а добычи, и совсем не желавшая мериться силами с прекрасно обученным войском.

Долго ломать голову хан не мог. Пауза и так сильно затянулась. Да и воевода русский все сильнее хмурился. И хан наконец решился!

Прервав неловкое молчание, предложил русскому богатырю печенежский хан: «Дам тебе я обещание: не нападать на Русь, не брать в плен русских людей. Будем мы друзьями и примиримся». С его стороны это была маленькая капитуляция. Страх оказался сильнее жадности. На такое предложение Претич с радостью согласился, и подали они руки друг другу. Так воевода черниговский спас Киев, а русские победили. Такая победа много стоила. Главное, чтобы сейчас враг не опомнился. На этом официальная часть переговоров была окончена. В знак своего безмерного уважения «печенежский князь подарил Претичу коня, саблю и стрелы». Взял Претич подарки. И подал взамен свой меч хану: «На вот, возьми!»

Обменявшись подарками в знак любви и дружбы, а также того, что зла друг на друга не держат, предводители разъехались, довольные друг другом.

Точка была поставлена. «После чего князь печенежский отступил с войском от града и пошел прочь». Страшные печенеги уходили от Киева. И киевский люд, и люди воеводы могли со стен столицы наблюдать это добровольное отступление. Им до сих пор не верилось, что беда миновала. Что такая неисчислимая масса печенегов уходит без боя, без откупа, убегая от одного имени Святослава! При том, что «их же было такое множество, что не доставало им места на Лыбеди коня напоить».

Воеводу черниговского Претича и его храбрую дружину встречали в Киеве с честью великой, как освободителя. Выказывали уважение. Горд был русский воевода такой честью, ему оказанной, да только отказался он от подарков киевских.

– Я спасал вас не из корысти, и мне не надо ни серебра, ни золота. Я спасал русских людей, красных девушек, малых детей, старых матерей. Мое богатство – сила богатырская, мое дело – Руси служить, ее от врагов оборонять.

Выполнив свой долг, отважный воевода мог возвращаться в свой Чернигов. Да и Святослав со своим войском уже был на подходе. Торопился он домой, спешил землю Русскую от врага защитить, но уже все одно опоздал. А киевляне, не сдержав в себе обиду к князю, с досадой указали Святославу на эту ситуацию в выражениях, весьма нелестных и обидных для князя. Изведав страх и невзгоды, чудом избавившись от смерти, «послали киевляне ко Святославу с вестью, говоря: “Ты, князь, чужие земли ищешь и дальние пределы хранишь, а древнее свое владение Киев и матерь твою с детьми твоими оставил без обороны, что уведав, придя, печенеги едва град не взяли. И ежели не приедешь и не охранишь, то весьма опасно, чтоб оные снова не пришли и сей престольный град прародителей твоих не взяли. Более же должно тебе

сожалеть мать свою, в старости пребывающую, и детей, да не погибнут или не предашь их в руки иноплеменник и врагов твоих”».

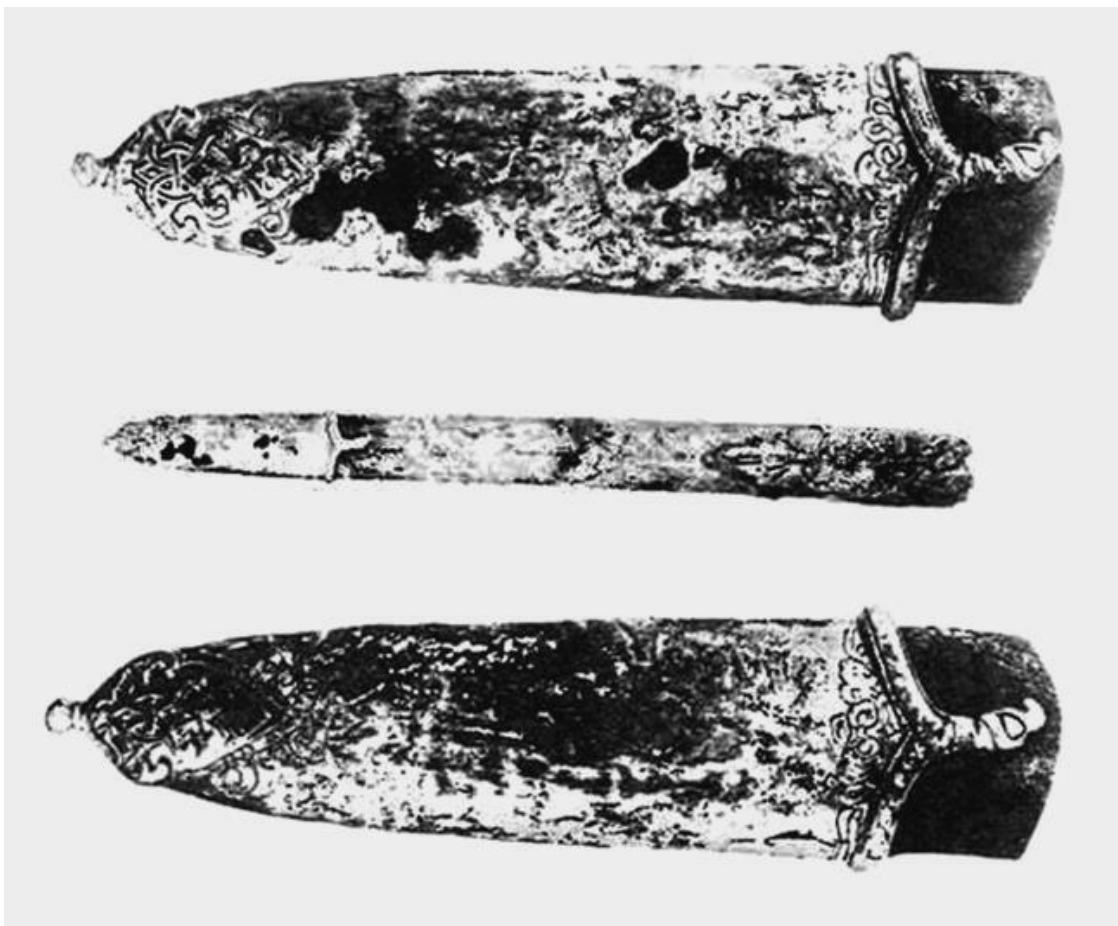
В этом горьком укре много справедливости есть.

Святослав не мог не отреагировать, не имел права. «Святослав же, слышав сие, вскоре сел на коней с воинством, пришел к Киеву, и целовал мать и детей своих, и весьма сожалел о бывшем от печенегов утеснении». Князь Святослав Игоревич был вспыльчив, храбр, свиреп и любил войну. Сейчас ему представлялся случай вновь обнажить свой меч, но в этот раз уже за поруганную отчизну. «Не медля праздно, собрав войска, пошел на печенегов в поле» искать «друга и побратима» воеводы Претича. Кстати, в этом случае слово о мире, данное Претичем хану от имени Киева, его нисколько не волновало, Святослав был зол и настроен весьма скверно. Не он слово давал, не ему и ответ нести. Искать печенегов долго не пришлось, ибо не успели они далеко откочевать. «Найдя их, учинив битву жестокою и, победив их, заключил с ними мир; потом возвратился к Киеву» (В.Н. Татищев).

Заметьте: хоть отца в Киеве нет, но Владимир находится при бабушке, правительнице не только Киева, но и всей Руси, вместе с двумя другими своими братьями. Это только подтверждает, что он – полноправный наследник престола русского. В противном случае Ольга не оставила бы его в Киеве, а оставила при матери, где-нибудь на периферии. Сын – на войне, и сейчас она – хозяйка. Не угоден ей сын ключницы, давно бы отослала куда глаза глядят, но нет, даже для нее, как для бабушки, все внуки равны, только у одних больше прав на престол, у других меньше. И зависит это не от того, кто конкретно кого родил, а единственно от старшинства. А вот то, что всем им предстоит править, в этом сомнения нет, для этого их и будут обучать с малолетства.

Но вернемся к беде, столь внезапно свалившейся на Киев.

Так Владимиру еще в раннем детстве довелось столкнуться с врагом, который будет преследовать всю его жизнь. Пока эту проблему за него решали другие, но придет и его час.

Сабля с наконечником ножен. Из археологических раскопок в Киеве

Кроме нападения печенегов, случилось еще одно печальное событие.

«Будинский изборник IX–XIV вв.: Арамейская Библия и Аскольдова летопись» под общей редакцией академика Ю.К. Бегунова рассказывает о нем так:

«В год 969-й, в день 11-й июля месяца умерла великая княгиня Руси Ольга, нареченная Еленой в святом крещении, и ее земной жизни было восемьдесят лет и княжения было двадцать четыре года; и остались после нее сын единственный Святослав, трое внуков: Ярополк, Олег и Владимир, две невестки: княгиня Предслава из венгров и бывшая ключница ее Малфредь из древлян, мать Владимира, которая прислуживала Ольге в княжеском детинце в Вышгороде; и похоронена блаженная Олена, по ее завету и по христианскому закону, на потаенном месте, на Подоле, у Днепра, и плакали по Ольге и сын, и внуки ее, и плакали все люди на Руси и словене в Плескове, где ее помнят как Пребрану-красу, которая взошла как заря света Христова на Руси...»

Глава 4

Распределение Русской земли

Князь Святослав, вернувшийся домой из ратного похода, не планировал осесть на Руси надолго. Его манила ратная слава, он спешил вернуться обратно в Болгарию. «То есть середина в Земле моей», – сказал Святослав о болгарском городе Переяславце. Однако этот город находится от Киева довольно далеко. Если Святослав решил править Русью издалека, то в этом случае у него на местах должны быть надежные наместники. Ведь, где бы Святослав ни находился, только он один и есть верховный правитель над всей территорией страны. Кого же он мог оставить вместо себя? Его брат, как и самый доверенный из приближенных – воевода Свенельд, шли с ним делить с ним и ратные будни и славу. Но воодушевленный будущими перспективами князь нашел, как ему без лишних трудов решить эту проблему.

«Святослав выбрал наиболее простой и естественный путь удержания Руси в повиновении. Он разделил Русскую землю между своими сыновьями. Каждый становился князем, полновластным в своем княжении, но каждый при этом оставался сыном, во всем послушным отцу». Легко увлекающийся и к тому же часто поверхностный Н.М. Карамзин суть деяния Святослава не уловил, а потому написал укоренившуюся в веках за счет его собственного авторитета еще одну чепуху: «Святослав первый ввел обыкновение давать сыновьям особенные уделы: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России».

В ответ великому русскому историку скажу, удел был дан не в пожизненное пользование, а лишь как территория, на которой данный князь-сын представлял интересы верховного правителя всей Руси!

С.М. Соловьев задал сам себе другой вопрос: каким образом Переяславец мог быть серединою земли Святославовой? А задавшись им, он сам же себе попытался на него ответить: «Святослав спешил окончить свое княжение на Руси: он посадил старшего сына, Ярополка, в Киеве, другого, Олега, – в земле Древлянской. Это вовсе не значит, чтобы этими волостями ограничивались владения русских князей: уже при Олеге все течение Днепра до Киева было в русском владении, в Смоленске и Любече сидели мужи киевского князя».

В самом подходе к вопросу уже кроется ошибка, отсюда и неверное понимание княжеского замысла. Святослав даже и не думал оканчивать свое княжение на Руси. Наоборот, в вопросе правления он сделал шаг вперед. Прекрасно понимая, что для него приоритетом является война с Византией и она может тянуться длительное время и далеко от родных мест, он должен был для себя решить вопрос: кто все это время будет управлять Русью? Вариантом мог быть его брат, но он шел воевать вместе со Святославом. Мать Святослава к этому времени скончалась. Остаются три малолетних сына. Русь должна быть единой, такой, какой ее создал Вещий Олег, дробить ее на уделы просто преступление. Святослав принял решение, которое в дальнейшем будут использовать его дети и внуки. Правление он оставляет за собой, а его дети будут как наместники сидеть в самых крупных городах Руси, олицетворяя собой верховную власть. Три ключевые точки должны быть заняты представителями правящей династии: Киев, древлянский Овруч и Северная столица Новгород.

*Степной всадник на фантастическом звере.
Ваза из клада в Надь-Сент-Миклоше, VII–IX вв.*

Но историк продолжает развивать свою мысль все в том же ошибочном направлении: «... следовательно, деление Святослава означает, что у него было только двое способных к правлению сыновей, а не только две волости – Киевская и Древлянская», и снова ошибка. Историк идет на поводу легенды, а не фактов. Он спешит в развитии тезиса не за своей мыслью, а за чужой, пытаясь к тому же развить ее и обосновать.

Уясните: у Святослава три способных к правлению сына, и всех он наделит властью, как своих представителей. Сыновьям даются уделы не навечно, не в их личную власть. Святослав в любой день может их поменять местами, вот это в его власти. Он может вернуться и сесть на престол в Киеве сам, а в Овруче посадить своего родного брата. Вариантов масса. Главное, что правитель Руси только один, где бы он ни находился. Мало того, Соловьев сыновей Святослава наделяет в этом вопросе личной волей, которой у них просто нет. Историк, продолжая свою мысль, делает очередное неправильное заключение: «...не любя волостей северных и восточ-

ных, так и теперь оба сына Святославова садятся на юге, недалеко друг от друга и не хотят идти на север».

Кто бы стал спрашивать желания Ярополка или Олега? Да никто. Напомню, они на тот момент были еще детьми, но даже, если бы они были много старше, то и в этом случае Святослав, как отец и правитель, к их желаниям даже и прислушиваться не стал. Есть государственная необходимость, куда отправил, там и сидите. Тем более что отец – сам Святослав, он ни с кем рассусоливать не станет.

Великий князь Святослав глазами художника первой половины XIX в.

На киевский престол был посажен старший, Ярополк. Мы не знаем, кто из отцовских воевод или «думцев» должен был править городом вместе с Ярополком (до времени следовало бы сказать: вместо Ярополка). В том, что такой человек имелся, сомнений не возникает: юный князь пока еще не был готов к самостоятельному правлению. Ближайшие воеводы (например, Свенельд) нужны были Святославу на Дунае. В Киеве, видимо, оставляли тех, кто поплоче.

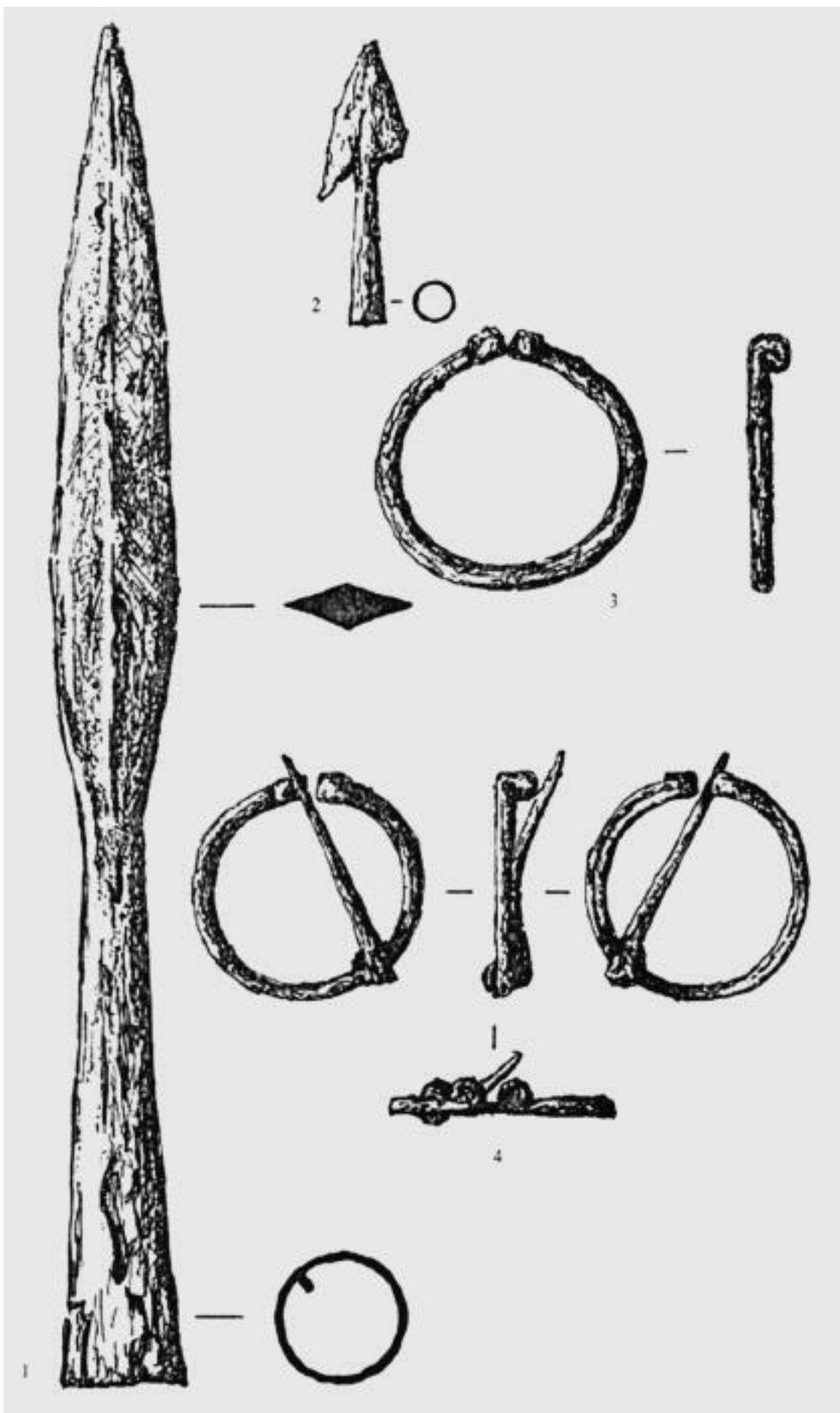
Позже рядом с Ярополком мы встретим воеводу Блуда; может быть, именно он был выбран княжичу «отца вместо».

Заметьте: хоть Ярополк и остался в Киеве, о его «старейшинстве» перед братьями нет ни единого слова, и уж тем более – о каких-либо его правах по отношению к своим братьям.

Обладание Киевом всего лишь делало Ярополка наиболее могущественным и авторитетным из русских правителей. Мало того, указ Святослава четко определяло границы его «волости», власти – Киев и Киевская земля.

Второго сына, Олега, Святослав посадил «в Деревех» (то есть в Древлянской земле). Видимо, в силу обычая она считалась второй по значению в Русском государстве.

Для младшего, Владимира, оставался Новгород.

Находки из раскопок в Древлянской земле:

1) наконечник копья; 2) наконечник стрелы; 3–4) подковообразные фибулы

Кто-то считает, что будто само Провидение вмешивается в судьбу Владимира, что все произошло помимо его воли и даже помимо воли Святослава. Но это и есть лишь легенда, миф, предание, сохраненное Повестью временных лет. Согласно ему, этому самому преданию, в то время, когда Святослав делил Русскую землю между Ярополком и Олегом, в Киев явились послы из Новгорода, наслышанные о пребывании Святослава на Руси. Пришли же они просить себе князя. «Аще не пойдете к нам, – говорили новгородцы, – то налезем князя себе» («Не пойдете к нам, сами на стороне найдем себе князя»).

Смысл угрозы вполне ясен. Новгородцам нужен князь: его присутствие в городе ставило Новгород в равное положение с Киевом и Древлянской землей. Если Святослав сына им не даст, новгородцы угрожали выходом из состава Русского государства.

Дальше, судя по преданию, Святослав не воспринял угрозу всерьез. «А бы пошел кто к вам?» – отвечал он новгородцам вопросом на их требование, не скрывая при этом своей насмешки. «И отприся Ярополк и Олег» – то есть оба отказались.

А. Карпов пытается таким образом объяснить эту странную, по крайней мере для меня, ситуацию:

«Некогда (вероятно, еще младенцем) Святослав сам сидел на княжении в Новгороде. Он, конечно, помнил об этом эпизоде своей биографии, как помнил и о том, что Новгород был родиной его отца Игоря. Где-то на севере Руси родилась и мать князя Ольга. Однако теперь Новгород ничем не привлекал его. Устремленный на юг, к Дунаю и далее к Царьграду, Святослав сознательно отказывался от Северной Руси. Киев и Поднепровье оставались “тылом”, окраиной; то, что лежало еще севернее, очевидно, выходило за пределы геополитических интересов князя. Ярополк и Олег, которым для видимости предложили новгородское княжение, не посмели перечить отцу. Да по малости лет они и не могли этого сделать».

Я пока воздерживаюсь от комментариев. Сделаю это позже.

Предание набирает силу и размах и выходит на пик своего развития: «Сказал Добрыня (новгородцам): “Просите Владимира себе” ... И сказали новгородцы Святославу: “Дай нам Владимира”; тот же отвечал им: “Вот он вам”. И взяли новгородцы Владимира к себе. И пошел Владимир с Добрынею, дядей своим, к Новгороду...»

Таким вот образом судьба вновь повернулась в сторону Владимира. Это в том случае, если вы слепо верите словам предания, где логике просто нет места, но зато присутствует замечательный сюжет.

Есть еще одно мнение на данный счет, и выглядит оно следующим образом: «Именно Добрыня и посоветовал новгородцам просить себе Владимира. Святослав с полным равнодушием согласился». Но это лишь мысль, высосанная на досуге из пальца. Почему? Да потому, что Новгород для Святослава имеет важнейшее значение, как форпост со стороны варягов, крупнейший торговый центр (а Святослав внимательно следит за экономикой) и к тому же практически Родина его матери.

Так что в совет Добрыни и полное равнодушие Святослава могут поверить только люди читающие, но не вникающие в смысл прочитанного.

Прежде чем вернуться к разбору легенды, давайте посмотрим, что выиграл малолетний Владимир от этого назначения?

«Именно в Новгороде Владимир становится правителем, не княжичем, но князем, и – как брат братьям – равным Ярополку и Олегу. (Принцип старшинства братьев относительно друг друга в то время, в отличие от последующего, не имел большого значения.) Владимир оказался даже в более выигрышном положении, нежели его братья. Киев и в меньшей степени Древлянская земля, а значит, Ярополк и отчасти Олег, в последующем будут ощущать на себе

пристальное внимание Святослава; им (особенно Ярополку) придется жить в постоянном ожидании его возможного возвращения в родной город. Новгород же, к которому Святослав выказал столь явное равнодушие, стал действительно независимым и самостоятельным. Следовательно, действительную независимость от отца и братьев получал и Владимир» (А. Карпов).

Дальше начинается легенда, куда же нам без нее, летописец предпочел отойти от истины и создать миф, на который повелись все, даже самые профессиональные, на мой взгляд, историки. Корифеи. Вернемся назад, к легенде.

Что же доносят нам по этому поводу величайшие исторические умы? А доносят они следующее. С.М. Соловьев задается вопросом: «Почему Святослав не дал никакой власти младшему сыну своему, Владимиру, сам сначала и уже после отправил его к новгородцам по требованию последних?»

Вопрос хороший, правильный, но, как вы понимаете, задан неверно, а на неправильно заданный вопрос нельзя дать правильный ответ. Никакого требования новгородцев к Святославу не было вовсе. Как же так? Спросите вы! Ведь в летописях все четко прописано!

Попробую это доказать.

Как выглядит вся эта история? Возьмем за основу мнение В.Н. Татищева, а он рассказывает эту историю так.

«Новгородцы тогда просили себе от Святослава для управления одного из его сынов, и Святослав дал им на волю просить, который сын его похочет. И хотя они прилежно старейших просили, Ярополк и Олег отказались. Тогда один от послов новгородских Добрыня советовал им просить младшего из детей его, Владимира, который рожден от Малуши, ключницы Ольгиной, дочери Малка любчанина и сестры Добрыниной».

С тем чтобы прояснить возникающие к этой истории вопросы, подключается Соловьев. «Летописец как будто спешит объяснить причину явления; Владимир, говорит он, был сын Малуши – ключницы Ольгиной, следовательно рабыни, ибо, по древнему уставу, человек и вольный, ставший ключником, поэтому уже самому превращался в раба. Итак, Владимир был не совсем равноправный брат Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различие между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо должно существовало существовать различие и между детьми тех и других».

И снова: рабыни, наложницы, неравноправие и прочий бред. Особенно радует данный пассаж: «По древнему уставу, человек и вольный, ставший ключником, поэтому уже самому превращался в раба». Где откопан этот древний устав, на каком чердаке, Соловьев не сообщает. Ключница, как я уже писал, – важный пост при княжеском дворе. Его не каждой доверяют, тем более рабыне.

Не прибегая к излишне резким выражениям, хочу сказать, что Карамзин, описывая этот же эпизод, в своем желании усилить драматизм ситуации доводит ее вообще до абсурда, благо дело, что на это внимания никто не обращает. Приведу его версию: «Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные князья. В то же время новгородцы, недовольные, может быть, властью княжеских наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного князя».

Только вдумайтесь в то, какую ерунду пишет, безусловно, один из ярчайших русских историков. И только потому, что ему важен драматизм, а не здравый смысл. Для тех, кто не понял, поясню, что я имею в виду.

В Киеве правит молодой, но уже прогремевший своими подвигами князь, сильнейший воитель из всех, с кем славянам, и не только славянам, за последнее время приходилось сталкиваться. Его неслучайно зовут грозным и постоянно обсуждают его непреклонный суровый характер. Я бы добавил, вспыльчивый. Эти качества создают опасный коктейль, порой даже непредсказуемый.

И что? После этого к нему приходят недовольные новгородцы и с претензией заявляют: не дашь нам своего сына, возьмем другого! Напрашивается сразу вопрос: кого собственно? Какие есть варианты? Претенденты? Викинги? Хазары? Кто конкретно? Из своих рядов выберут? Да и это ерунда. Русь уже достаточно давно находится под властью одного-единственного князя, который управляет из Киева, туда же идет и ежегодная дань. Получается, что новгородцы Святославу угрожают тем, что если он не даст им на княжение сына, они отделятся от Руси? Других вариантов нет. Если они хотят призвать себе князя по своему выбору, а не выбору Святослава, то по всей логике, он ему и не должен подчиняться. Новгород становится независимым, то есть городом-государством (да, строго говоря, Новгород и Русью-то тогда себя не считает). Теперь те, кто хоть что-то слышал про Святослава, даже краем уха, ответьте мне, будьте так любезны: что этот самый Святослав ответил бы новгородцам на такую угрозу, да еще брошенную прямо в лицо?

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы угадать дальнейшие действия Святослава Игоревича. Ведь они, новгородцы, ему уже сейчас открыто угрожают, а что будет тогда, когда он с большим войском покинет пределы страны? Тут что, каждый сам себе хозяин? Кот из дома, мыши в пляс?

А если за Новгородом захотят вернуть себе свободу и своих князей другие славянские племена, например, те же самые вятичи, которых он недавно покорил? А древляне? Тогда повторится ситуация, в которой после смерти Олега оказался Игорь, который метался по стране вместе со своим воеводой Свенельдом и тушил пожар мятежа. На это ушло много сил и времени, а сколько было пролито крови, летописи обозначают только туманными намеками. В такой ситуации самому Святославу будет не до Византии и Болгарии, будет оттачивать мастерство своей дружины во внутренних стычках и конфликтах. Тут и останется его воинская слава. Так что при первом же выраженном новгородцами недовольстве и попытке своеволия рыкнул бы на них Святослав грозно и указал им их место. Возможно даже, в коротких и прямых выражениях объяснил бы им все грядущие перспективы, а если бы сам не смог, то попросил бы сделать это своих воевод Свенельда или Асмунда, те тоже умели объяснять доходчиво, не пускаясь при этом в глубокую полемику.

«Святослав сначала не дал волости Владимиру и потом отпустил его в Новгород, могши в самом деле испугаться угрозы новгородцев, что они откажутся от его рода и найдут себе другого князя». Данную запись, сделанную С.М. Соловьевым, могу отнести лишь к тому, что он сделал его с ходу, не вдаваясь в тонкости того, о чем написал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.